

МОСКВА Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №7 (7), декабрь 2011 г. <http://provintelligent.ru>, <http://moscow.provintelligent.ru>

Газета выходит ежемесячно. Контакты для участия и сотрудничества: dzina2011@mail.ru, provint.paschkov@yandex.ru



ПОРНО В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

ПРЕМЬЕРА ПЕРЕРОСЛА В НЕВИДАННЫЙ СКАНДАЛ!!!

Эротика - это цивилизованная порнография или порнография на подсознании.
С. Лером

Постановку в Большом театре «Руслана и Людмилы» Михаила Глинки по одноименной поэме Пушкина ждали все. «Большой» для москвичей всегда был эталоном русской культуры. А Глинка - символ нашего русского прорыва. Ведь до него в России оперы ставились на музыку европейских композиторов. Первой была поставлена «Жизнь за царя», переименованная в Союзе, в «Иван Сусанин». Ею обычно и открывали сезон.

И вот премьера. Эстеты подходили в торжественном, приподнятом настроении. В фойе переодевали бархатные туфельки и пудрили носики дамы. Музыканты привезли учеников. Ведь каникулы.

Отворились тяжелые портьеры. На сцене - в великолепных костюмах новая труппа театра начала действие. Одетые в парчу и золото артисты. Безупречная игра профессионального оркестра.

Но что это? Людмила похищена. А за нею отправляется... не подумайте ничего плохого: одетый в рваные джинсы, в потрепанных грязных кроссовках и мятой фуфайке - Руслан? А Людмила с полуголой грудью попадает в сумасшедший дом. Ее колют в шею наркотиками: шприц? А это кто? Что за качок с наколками? Из какой тюрьмы? В зале гомерический хохот. Люди встают с мест и уходят.

Бедный ободранный Ратмир пострадал более других. Вокруг него - штук триста путан с Казанского вокзала. Кто в чем! Лосины. Платформы. Короткие юбки или без них.

На сцене нет декораций:

Те лица, что представляют власть и, по всей видимости, заказчики бардака, закричали: «Браво!» Народ, готовящийся зашвырнуть в артистов обувь, орал: «Позор!».

Две третьих зала покинуло премьеру, не досидев до последнего действия, громко возмущаясь и высказывая билетерам свое негодование!!! Деньги-то на билеты выброшены немалые!

А те, кто досидел, могли лично увидеть, как Руслан расстегивает на Людмиле пуговицы и тащит в «номер», а она ему лихорадочно помогает. Пожилые дамы хватались за сердце. И у выхода к троице приехала «скорая». Глинке-то что? Его арии безупречно исполнили профи. Но, наверное, Пушкин в гробу перевернулся. Последний оплот русской культуры таким образом был полностью и бесспорно подавлен тварями, которые показывают нашей молодежи «Дом 2» и «Каникулы в Мексике». Они добрались-таки до государственного Академического!

Интересно, что государство планирует извратить далее? Рожки у Пушкина в Третьяковке нарисовать?

Приехала я домой. Зашла в интернет. Обнаружила несколько новостей. Только они как-то однобоко осветили проблему.

<http://pda.rg.ru/2011/11/06/ruslan-poln.html>

Понравилось объяснение всего этого безобразия у Евгения Новикова.

<http://video.mail.ru/mail/skazswet/myvideo/715.html>

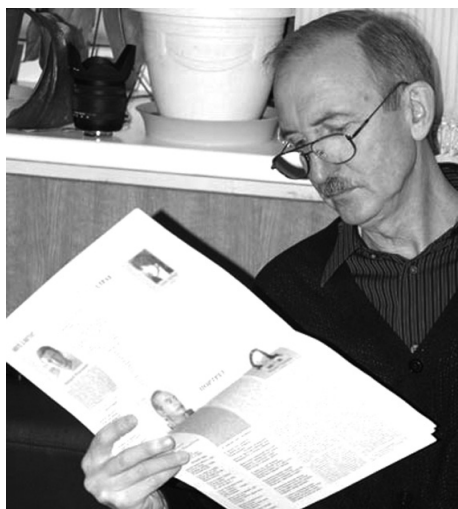
Скопировала себе в браузер. Потом на досуге изучу подробней.

Помидоры достала из холодильника. Пусть тухнут. На следующую премьеру готовлюсь. Выразить тем самым свое «недоверие», не все же Медведеву его выражать в адрес Лужкова.

Эх, хорошо бы прямо в режиссера попасть! Но, по всей вероятности, главного кукловода нам так и не увидеть.

Светлана САВИЦКАЯ

Презентация изданий «Интеллигент» в «Моссалите»



23 октября в московской библиотеке имени А.Платонова состоялась очередная встреча членов Литературного салона, в рамках которой была организована презентация печатных изданий издательской группы «Интеллигент». Мероприятие проходило при участии Международной Ассоциации Граждан Искусств и ее представителя в России, поэтессы и журналиста Елены Литвинской.

В творческой встрече приняли участие члены литературного объединения «Моссалит» (руководитель - Ольга Грушевская), авторы МАГИ, гости. Звучали стихи, опубликованные в разное время в газете «Интеллигент. Москва», «Интеллигент. Санкт-Петербург» и «Интеллигент. USA».

Наталья Лайдинен, недавно представлявшая издания группы «Интеллигент» в Нью-Йорке, рассказала о международной деятельности в рамках изданий, сотрудничестве различных литературных объединений и передала благодарность от лица учредителя журнала Сергея Пашкова Ольге Грушевской и другим членам «Моссалита» за активную работу в рамках проекта. На мероприятии был также представлен журнал «Острова», который выпускают партнеры изданий «Интеллигент» в США.

Фото: Марк Ю. ЛЕРНЕ



Презентация изданий «Интеллигент» в Омске

13 ноября в Омске в Литературном музее имени Ф.М. Достоевского состоялась презентация печатных изданий медийной группы «Интеллигент».

На встречу пришли поэты, прозаики, музыканты, художники, многочисленные гости, желающие послушать стихи и музыку.

Присутствовали представители разных литобъединений, авторы журналов «Виктория», «Точка зрения», «Иртыш-Омь», «Тарские ворота».

Творческая палитра самая разная: от начинающих авторов до профессионалов, членов Союза. В зале не было свободных мест.

Из гостей надо особо отметить заведующего кафедрой кино-фото-видеосъемки Омского университета, д.т.н. Хилько Н. Ф., двух поэтесс из города Павлодара (Казахстан).

Одна из них, Елена Игнатовская, выступила с приветствием и познакомила со своим творчеством (читала стихи). Украшением собрания был член Союза российских писателей и Союза переводчиков, профессиональный поэт-переводчик, Лауреат премии имени И. А. Бунина Фельдман Е. Д.

Вёл презентацию Вячеслав Омский. Он передал приветствие всем присутствующим от

издателя газеты «Интеллигент» Пашкова С.Л., рассказал об истории создания газеты, её творческом потенциале, её авторах, о проводимых презентациях в других городах страны и за рубежом, о перспективах её творческого роста.

По ходу вечера, по инициативе отдельных авторов, были решены организационные вопросы: авторы газеты создали литературный клуб «Интеллигент», президентом которого стал Барыбов Вячеслав Васильевич.

Имеющиеся в наличии номера газеты были розданы присутствующим и ходили по рядам из рук в руки.

Выступили с чтением своих стихов Вячеслав Омский, Софья Королёва, Андрей Козырев, Марина Кузнецова, Александр Александров и другие.

Деятельное участие в организации вечера и обсуждении публикаций в газете приняла Арзамасцева Нелли Алексеевна, художник, директор музея имени А. П.Кутилова, организатор и составитель Кутиловского творческого наследия.

Звучала музыка. Олег Тихоненко и Александр Бондарев исполнили множество произведений бардовского жанра.



БЕСКОНЕЧНЫЕ СПОРЫ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ЦДЛ Церемония награждения “Золотого Пера”



Писатель Светлана Савицкая и Лев Аннинский, критик

Московские пробки не помешали в определенное время встретиться рыцарям «Золотого пера» в определенном месте. И пошла интересная кутерьма-катавасия».

Мнения разделились. На церемонии выяснилось, что прослойка интеллигентов обозначалась как бы слоями. Есть интеллигенция буржуа, интеллигенция крестьянства, интеллигенция рабочая, а есть интеллигенция творцов и много еще разных видов интеллигенции. Есть лучшая, и есть худшая. Есть активная. И есть пассивная. Соответственно доминантная и рецессивная...

Неоднозначное понятие о лучшей интеллигенции, на которую мы все должны равняться, дал корреспонденту ленинградского литературного журнала Михаил Иванович Ножкин:

- Ехали мы на встречу с ветеранами. Поле. Одинокий трактор гудит моторами. Мы разговорились с трактористом. Оказывается, год нет зарплат. «Как же ты пахнешь без денег?» «Но ведь земля не виновата...» - ответил тракторист.

Да. Наша земля действительно не виновата, не виноват народ, что «слуги народа» в лимузинах, за бронированными стеклами прячась от народа, после Перестройки поставили с ног на голову само понятие добра и зла. На поверхность, как пена в мутной реке, реалии-шоу и сериалы забронировали на длительный срок «учительские места» голубых, иногда просто откровенно махровосиних, ящиков. И молодежь навязчиво и бесцеремонно, можно даже сказать беспрецедентно безнаказанно воспитывается теперь сценариями, обросшими щетиной «культурных» и «гламурных» (в переводе «мертвый глянец»), порочных профессионалами массового разврата.

Мощными селевыми выбросами льется на телезрителей реклама-реклама-реклама-реклама. Рекламы-сериалы. Рекламы-передачи. Рекламы-фильмы. Рекламы-агитки. «Пей пиво! Занимайся «безопасным» сексом! Ходи по подиуму со спущенными штанами! Кури! Бери от жизни все, и в жизни ждешь тебя успех!» - кричат нам ящики со всех сторон. Все время включается подстрочник идиотического смеха. Нас еще и учат, где мы должны смеяться. «Поле чудес» в стране, понятно кого, являет свои знаменья. Скорее всего, после выборов будут включаться еще и аплодисменты тем, кого уже выбрали заранее! «Воспитатели» за рекламу получают средства на новое «воспитание». Народ же, поскрипывая зубами, вынужден это есть.

Со всех сторон летят весьма грамотные, заметьте, выпады - де народ сам виноват! Позвольте, господа! Еще Екатерина Великая говорила: «Народ - ребенок! Его чем кормят, он то и ест!»

Земля пока терпит. Но время от времени то морозит не ко времени, то сушит, то топтит. А поэты, которые «больше чем поэты», которым Бог дал совесть, талант, жажду творить вопреки безденежью и вопреки отторжению оптовиков-затейников продаж их идей через

рынки СМИ, пашут свое поле.

Пашут. Но ведь никто не дает тебе денег! Что же ты поешь, поэт? Зачем же ты пишешь? Писатель? Что же ты творишь, автор? Чего ты ждешь? Справедливости? Где? В России?

Вот здесь можно не включать подстрочный смех, а горько улыбнуться всем, кто однажды вкусил собственных слез творчества.

На церемонии в ЦДЛ, да и после в кулуарах и на фуршете, много говорили об интеллигенции и о роли интеллигенции в нашей стране, да и вообще в мире. Вспоминали режим Ленина, которого цитировали охотно: «Интеллигенция - это г...»

- Это не верно, - возражал Гимельзон. - Не вводите людей в заблуждение и цитируйте дословно: «На деле это не мозг, а г-о». И сказано это было только о «буржуазной интеллигенции», которая, осуждая гражданскую войну, имела в то же время иное мнение о Первой мировой войне. Написано это в письме к Горькому. Так что не нужно обобщать. Ленин вовсе не утверждал, что «интеллигенция - г-о нации», он и сам принадлежал к ней, если кто забыл.

Вспоминали определения интеллигенции Шукшина, наиболее подробно сформировавшему понятие, частично в цитате: «Это - неспокойная совесть, ум, полное отсутствие голоса, когда требуется - для созвучия - «подпеть» могучему басу сильного мира сего, горький разлад с самим собой из-за проклятого вопроса «что есть правда?», гордость... И - сострадание судьбе народа...»

Вспоминали режим Пиночета, Гитлера, Сталина, когда в первую очередь была вырезана именно эта «прослойка» общества, к которой, хотелось бы думать, принадлежали все присутствующие в ЦДЛ в этот день. Помянули ушедшую недавно из жизни Дору Карельштейн, сожженного на костре Бруно, застреленного Пушкина и повешенного Есенина.

Савицкая утверждала, что понятие интеллигенции ближе всех у Тузлукова в его книге притч, где выявлена роль учителя и ученика. Учитель во всем - это и есть интеллигент. Мать, праведным трудом и самопожертвованием отдающая детям опыт, пусть она простая доярка, преподаватель русского языка и литературы, тренер каратэ, призывающий ребят защищаться, а не нападать, священник в храме, мастер, передающий опыт с добрыми намерениями, автор, несущий и дающий свет.

Лейтмотив проблемы понятия «интеллигенция» витал в этот день то там, то здесь. Представители Княжеского совета выдвигали идею учредить новое дворянство как элиту нации, в нее вошли бы по умолчанию все победители «Золотого Пера».

Обсуждался вопрос - продолжать объявлять номинацию «Духовность» или закрыть. Ведь все произведения, победившие на конкурсе «Вне конфессий», прежде всего духовны. Следовательно духовность и есть культура, и есть интеллигентность.

Обсуждали результаты подконкурса поэзии «Однословный многорифм» Александра Гама как новую экспериментальную форму современной поэзии.

Споря и философствуя, переплывали «акулы пера» из фойе в Малый зал, в кафе и к парадному выходу покурить и пообщаться с себе подобными, как из одного аквариума - в другой... Обменяться последними томами и томиком, черкнуть друг другу пару слов о любви и дружбе.

Саша Шаганов принес новую книгу «Я Шаганов по Москве», в которой с такой же горькой иронией рассказывает о своей жизни. Андрей Скляров, ставший за последние два - три года одновременно на уровень Вавилова и Дарвина, и Моуди, потянувший планету открытиями нескольких древних цивилизаций и множеством фильмов под серией «Запретные темы

истории», вручал вместе с А.А. Ворониным новый бестселлер «Сенсационная история Земли» по номинации «Историческое наследие», а потом под парусную тройку сигарет рассказывал Бухарову и Исмагилову о путешествии под парусом на яхте в каком-то далеком море. Александр Петров был отмечен знаменитой шестеркой знатоков за перевернувшую новейшую математику статью «Решето Эратосфена. Погоня за простыми числами», и Александр Бялко, который кстати тоже получил награду за свой «Роман с Физикой», лично передал ему хрустальную сову...

Не смолкали споры о Гене Длосине, обладателе Совы прошлых лет с его сенсационной «Метахимией», которая вот-вот взорвет всю систему стройных естественных наук и систему лингвистики заодно. Говорили о новой книге собрания сочинений Михаила Ножкина.

Из крупных работ корифеев «Золотого Пера» были отменены Послом Сербии Елисей Курьяк роман Светланы Савицкой «Распутай время», она привезла из Крагуеваца солидную награду Сербии - «Злутну круну», которая была вручена еще одному человеку в нашей стране - Владимиру Путину, а также из Белграда приветствие для нее и Александра

Бухарова, для Бояринова и Гусева от Союза писателей Сербии. Звучали приветствия послов Болгарии, Кубы... ГД ФС РФ, Совета Федерации.

Обсуждались критические статьи Сола Кейсера, которые почитали новым веянием «сетевой литературы» и фундаментальные вещи Льва Аннинского. Говорили долго и подробно об исследованиях Володы Морган. Бухаров открыл секрет, что негативные всплески отрицательных выпадов авторов, не прошедших по конкурсу, гасятся на пороге прохождения прямо с монитора модератора. Поэтому авторы, которые «так любят друг друга», все еще живы.

Буквально потрясли всех мудрые горячие выступления клоуна Юрия Куклачева, писателя Владимира Гусева, Председателя гильдии издателей и распространителей Александра Оськина, артиста Бориса Химичева.

На церемонии появилось новое знаковое лицо - Борис Чигирин. И, если о нашумевших «перьях» все все знают, и ничего нового добавить нельзя, то Борис Юрьевич - лицо новое. С подростками он ведет раскопки на местах крупных сражений и восстанавливает часть исторических данных. Он привез для организаторов медали фестиваля Молодежи, изготовленные специально в Сибири для этого дня: подсвечники из натурального камня, ювелирные изделия из агата, яшмы, малахита. Все это Савицкая как национальное знаковое сувенирное искусство передала послам, присутствующим на церемонии, и почетному президиуму. Медаль и диплом «Человек слова и дела» был вручен Александру Бухарову, «Патриот Отечества», соответственно, Александру Петрову, «Достояние Отечества» торжественно, под всеобщее одобрение зала - Светлане Савицкой.

Впрочем, двух последних наград был достоин чуть ли не каждый сидящий в Малом зале ЦДЛ в этот день. И это не голые слова.

Кроме обозначенных наград, озвученных на многих сайтах, было вручено также ГРАН-ПРИ Акции «Солнечный храм» 2011г. Великолепно танцевала красавица - девочка из Сочи Полина Ерунова. Да. Неплохо спела еще лауреат Людмила Луценко из Красноярска.

Снимали три канала центрального телевидения. И полный зал журналистов поминутно щелкал камерами фотоаппаратов.

Так вот, переплывая на фуршет «разноперая» стая крылатых рыб, продолжала споры о главном. Вопросы, как всегда, все те же: «Кто виноват?» и «Что делать?» Виноваты были, понятно, дураки и дороги. Что делать в сложившейся ситуации? Естественно, пить.



Юрий Куклачев

Благо виночерпии и хлебодаеры не дремали и привезли на церемонию шикарную водку «Пять озер» и «Хаски», удивительно вкусную кондитерку от «Давид-Астория», красную икру и безалкогольную воду «Алоэ-Эксклюзив».

Савицкая привезла из Парижа трофей - бутылку розового вина от Пьера Ришара - и разливала всем желающим и нежелающим, как символ мирового успеха. Обмывала в рюмке привезенную для нее литпремию им. Л.Н. Толстого в виде медали от Тульского российского общества «Совесть», но выпивать не успевала. Ее буквально «разрывали на части» наши акулы.

А дальше в ЦДЛ случился вечер, посвященный 200-летию Белинского. Златоперых рыб к тому времени не осталось. Утренник давно закончился. Держались самые стойкие.

Одна из самых достойных наших интеллигенток заказала в буфете «еще», и так добавила ко всему сказанному, что перестала контролировать ситуацию, грозила в нецензурной форме порвать всех работников ЦДЛ, как тузик грелку.

А некий поэт, прошедший или не прошедший по конкурсу (какая разница, и то и другое - повод!), сильно по этому поводу усугубил, и уснул в удобствах. Часа через три его благополучно извлекли из туалета, взломав при этом дверь.

За эти подвиги своих «питомцев» Савицкая была вынуждена срочным образом выехать на следующий день в ЦДЛ улаживать с руководством случившийся инцидент и оплатить ремонт утраченного имущества.

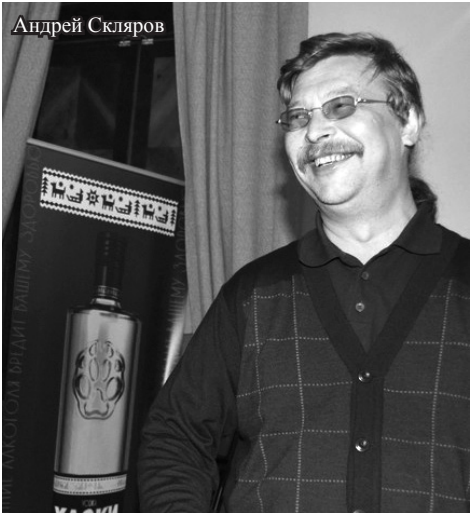
В России считают, что интеллигентность - нечто русское, уникальное, противоположное зарубежной бездуховности и являющееся, по существу, одним из синонимов самого понятия «духовность». В обиходном представлении интеллигентный человек - тот, кто культурен и образован. Так ли это? Понимаем ли мы досконально, что значит культура и образованность? И чем в таком случае отличается русский интеллигент, например, от английского джентльмена?

Заканчивая информативный блок о том, как прошло мероприятие, ставлю это вопрос в окончание. И дам, на всякий случай, официальные данные.

«Советский энциклопедический словарь»: «интеллигентный (от лат. intelligens - понимающий, мыслящий, разумный), обществ. слой людей, профессионально занимающийся умственным, преим. сложным, творч. трудом, развитием и распространением культуры».

Церемония награждения в ЦДЛ, несмотря на некоторые нюансы, еще раз показала, что «Золотое Перо Руси» - явление великое, достойное, интеллигентное.

Станислав СТАР



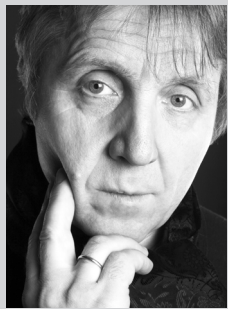
Андрей Скляров



Камеры нацелены на Бориса Петровича Химичева



Поэтесса и журналистка Елена Литвинская получает призы для медиа-группы изданий «Интеллигент» (фарфоровая статуэтка достается учредителю Сергею Паикову)



Игорь Лукшт
Москва

Родился в 1950 году в Баку Азербайджанской ССР, закончил Московский авиационный институт (факультет ракетных двигателей), позже Московское высшее художественно-промышленное училище им. С.Г.Строганова (мастерская скульптуры). Сейчас – скульптор, член Московского и Российского союзов художников, профессор кафедр академического рисунка Строгановской художественно-промышленной академии и школы-студии МХАТ. Публикует стихи на сайтах: «Поэзия.ру», «Стихи.ру», «Рифма.ру», «Литконкурс.ру», 45-я параллель и других. Лауреат международных конкурсов: «Поэзия 2006», «Вся королевская рать» (2006, 2007, 2009), «Серебро слова – 2006», «Серебряный стрелец» (2009, 2010, 2011), поэтических конкурсов им. Петра Вегина (2009) и Льва Лосева (2010). Финалист Волошинского международного конкурса (2005, 2006, 2008).

ПОКРОВСКОЕ-СТРЕШНЕВО (триптих)

Борису Неклюдову

Сентябрь

Манящее,
Как сон о юности, качание ветвей.
Привет, Покровское, давнишняя отрада,
С годами ты всё старе и милей.
Уже звучит осенняя баллада,
Кружится лист в пустынности аллея,
Начало знаменуя листопада.
Я не искал сюда поводьярей
Из громадьа причудливого града
Галдящего.

Смеркается,
И розово-коричневый витраж
Коры с вкраплениями серо-голубого
В поплёкших травах
засветил сосновый кряж
В лучах прощальных лета просяного.
Вершиной медною ведёт
недрёмный страж
В чешуях охристых.
И в золотой полове –
Прозрачной паутине тонких пряж –
Вихри игольчатые щёголя лесного
Качаются.

Даруется
И вам, и мне неяркое тепло,
Небес и ветра легкомысленная вольность.
Тропу крапивой сонной заплело,
И лепет крон берёз высокоствольных,
Как нежный холод, льётся на чело
Под дальний звон всесвятской
колокольни.
Так время незаметно утекло,
Наряд меняя, старый лес, как школьник,
Волнуется.

Октябрь

Роща в сумрачной дрёме.
Потоками с хмурых небес
Нистекают стволы сквозь развёрстые,
мокрые кроны,
И влекутся извивы корней
по шуршащим попонам
Нежно-рыжей листвы,
устилающей землю окрест.

В этой зябкой прохладе,
в свечении влажных ковров,
Чёрном фетре стволон
и тоске сиротеющих веток –
Листья клёнов неслышно скользят,
миновавшего лета
Легкокрылые птицы,
любовные письма ветров.

Их страницы лежат
на горбах колченогих скамей,
Их узор золотой –
на тряпицах поникшей крапивы.
В гамаках перепончатых крыл,
словно стая вампиров,
Лоскуты бузины кровоточат
на пиках ветвей.

Редкий шорох шагов, лай собак,
перестук поездов...
Острова бурелома,
деревья в нашествии крапа

www.magnet2006.narod.ru
М.А.Г.И.
Наше отечество - искусство

**Международная Ассоциация
Граждан Искусства**

*Всемирный клуб
петербуржцев*

Михаил Пиотровский,
Президент Всемирного клуба петербуржцев.

Валентина Орлова
Председатель правления клуба.

www.wclub.spb.ru

**Зеленеющих мхов
и ракушках древесного капа,
Как остовы Летучих голландцев
в морщинах веков.**

**Синий стелется дым от костра
над печалью берёз,
Прелых трав и земли
отсыревшей дурмящий запах,
И холодное солнце
неслышно крадётся на запад
В сером войлоке туч,
как людьми обижаемый пёс.**

Ноябрь

Скрип сосны, холодный шелест ветра,
Перебранки дальние ворон.
Лес погасший с редким всплеском cedры
Каплями росы посеребрён.
По низинам, залитым дождями,
В амальгаме тусклой чёрных вод
Барки листьев сонными тенями
Невесомый водят хоровод.

В хладе дня и мраке длинной ночи,
В слякоти дождливой полумглы
Долог скорбный путь осенней роши
К ледяной обители зимы.
В тишине, без плакальщиц, без зова
И мольбы в глухое забытье...
Медленно, до грубости сурово
И достойно шествие её.

Из-под крон, с ветвей прозрачных сосен,
Загребая воздух в невода
Крыльев, неожиданно гостьей
Пепельная падает звезда.
Расплескав угрюмый траур перьев,
Тонкий пласт печали расколов,
Каркающий демон суеверий
Медленно плывёт среди стволов.

Тает день. Сквозь звёздные хоругви
Клёнов и холсты березняков
Догорают солнечные угли
В мглисто-сером пепле облаков.
Роща ждёт. Серебряный покров
Скоро обездвижит лики тверди,
В небесах предчувствие снегов
И мелодия для скрипок,
флейты, смерти...

Июль. Купальщица

На ряби
озёрной, где зыбок узор
и розов, как зяблик,
качается Солнце.
То влево, то вправо – придумал забаву
божок в балахонце.
В одёжке
пурпурной, багрит балагур
округлый, как грошик,
вечерние воды,
где плещет карасик. И в золото красит
шатёр небосвода.
На ветер
пушины! Влечат камыши
метёлки соцветий
в шуршании сонном,
в закатных лучах бархоточный прах
роняют на лоно.
Насыщен,
как соты, медовый песок,
где ветер нас ищет...
Тамбовской мадонны
плечо бронзовеет под лаской Борея
и лоб окроплённый.
Вся – притча
о Солнце, чей огненный чёлн,
как мир, архаичен.
Лучи заплетая
в намокшие пряди, как в древнем обряде,
пылает нагая.
И капли
мерцают, и тень плавунца,
и лёт серой цапли...
Июльская нега,
стрекозьи просторы – ни чиха мотора,
ни скрипа телеги...



Наталья Лайдинен
Москва

* * *
Так случилось, что мы –
Пилигримы, рождённые морем!
И Нептуна мы молим
Об исходе из вечной тюрьмы.

Так берись за штурвал
Поскорей – откровения близко!
Мы оставим записку,
Чтоб никто на земле не искал.

Нас не мучает страх,
Что по курсу – не знаем ответа.
Слышим лишь клёкот ветра
В золотых парусах.

Ты несись, наш корабль!
К городам, к небесам незнакомым,
Прямо к вечному дому
Среди моря и скал.

Кайчи

Вселенской музыки родник
Возник в сияющей ночи.
На краткий бесконечный миг
Мне померещился кайчи.

Из приоткрытых горловин
Истоков – пение судьбы.
Вопль разобшённых половин,
Сказаний, что хранит Сибирь.

Высотами обертонон
Звенит и говорит тапшур.
Живая истина богов,
Движение звуков и фигур.

И в расширенье диафрагм
Родится богатырь, герой...
Финал моих душевных драм:
Шаманская любовь с тобой.

* * *
Видеть сны и делать наброски
На песке – мудрей и наивней.
С высоты летят отголоски,
Обещая звёздные ливни.

Встрепенулись недра, вулканы,
У морских глубин привкус пепла!
Мне рассказывали великаны,
Как с небес обрушилось пекло,

Погрузилось в бездну лазури!..
– Видишь, вновь земля голубеет?
Пирамида в архитектуре –
Нам ещё неведомый берег.

Все дожди в веках – слёзы сфинкса,
Очищают души водою.
Вплыв – от Сириуса до Стикса! –
По волнам бегу за тобою.

* * *
Сонная вечность. Марево мрака.
Тихая лодка в бездне вселенной.
Вот и проходим тропиком Рака.
Лунные иглы. Фарватеры – вены.

Близко паденье. Границы размыты,
И облака – лишь пуховки из ваты.
Мы обживаем точку зенита,
А впереди вздыхает экватор.

Северный тропик! Сверканье созвездий,
Праздник Нептуна, желание бога.
Жар поцелуев и звёздные вести.
Так же обнявшись, пройдем Козерога.



Галина Беспалова
Москва

Волянка. По образованию – филолог,
психолог. Около двадцати лет учительствовала в
родной сельской школе. Стихи начала писать уже
в зрелом возрасте. Член Союза писателей России.
Живёт в Москве, работает редактором в книжном
издательстве.

Осенний сплин

Рукописи не горят?
А мои – дотла сторели.
Зябкой ранью октября.
Во дворе. Под стон качели.

Колкой дворницкой метлой,
Чтобы день стал чист и скучен,
Вместе с рыжею листвою
Поутру смели их в кучи.

Деловито подожгли
Горки золота с опалом...
Я смотрела – там, в пыли,
Горстки пепла не осталось.

Стожары

С вечерней вернулась дойки,
болотки стянула с ног,
обула галоши, спросила: –
Всех покормил, сынок?
Вышла во двор. Над базом –
Стожаров зарделся пожар.
Села, подойник, запевший, в
коленях привычно зажав.
Лбом уткнулась устало в тёплый
коровий живот.
– Прячься скорее, мама! Папка
домой идёт!
В стойле ведро не бросишь, парного
надоено всклянью...
– Может, уснул уже? Сына, поиди,
потихоньку глянь.
Ворочался муж за стенкой,
поматерился, затих,
пока собирала ужин неслышно
почти, на двоих.

Пар над картошкой вьётся,
лоснятся в рассоле грибы.
Шепчутся мама с сыночком, про
чай смородный забыл.
– Мам, а ты видела море? Вырасту
– там будем жить.
Выучусь на капитана... Правда же,
мама? Скажи...
В бездне над самой крышей
Стожаров пожары искрят.
Сопит у окошка, руки крыльями
вскинув, «моряк».

Отчистила мужнины боты, в сенцах
отдрала пол
и с недочитанной книгой присела за
кухонный стол.
Вздыхала, сочувствуя Скарлетт в её
несчастной судьбе,
и медленная слезинка катилась с
ресницы к губе.
Вздрогнула – пьяный за стенкой
хрипло ругнулся во сне.
Рванула с гвоздя полотенце...

сдавила калдык посильней...
В окне дотлевали Стожары –
пожарища дальних миров,
ворочались, ночь догрызая, челюсти
старых часов.

А ей бы...

Диплома два –
не в синей корочке,
в газете областной – портрет.
Костюмчик деловой с иголки,
не покупной авторитет.
Года минувшего учительства,
печать с двуглавым – в трудовой...
Прищёлкнет каблуком почтительно
внизу, у входа, «постовой».
Партнёры – «галстуки» и «вороты»,
водитель – балагур и ас.
С бассейном дом в саду – за городом,
супруг... почти не ловелас.
В каминной – пальма, листья веером.
В углу – задвинутый рояль.

А ей...
на рельсы бы – Карениной,
и с шляпки на лицо – вуаль.



Золотой сад

(Окончание. Начало см. в № 6, 2011)

Артём остановился возле самодельной клетки, собранной из скрученных проволокой кусков металлической сетки, оставшихся от строительства загона для птиц.

Лихопрутка подтянула под себя гребёнки ног и с трудом приподнялась, глядя на своего спасителя блестящим синим глазом.

— Ну, что ж, давай посмотрим, — Артём присел на корточки, разглядывая правый бок лихопругки. — Кровь больше не идёт, рана затягивается, — заключил он, поднимаясь. — Отлично!

«Отлично?» — он покачал головой, удивляясь самому себе. Это же надо, притащить в дом раненую лихопругку и, рискуя собственной жизнью, её лечить! Вчерашняя идея, что она сможет показать ему место, где есть молодой росток Золотого дерева, сегодня казалась совершенно безумной. Ну допустим, она выздоровеет, и что дальше? Как он выпустит её на свободу? Нельзя же просто врать и открыть клетку! Для такого опасного животного нужен большой закрытый контейнер, в котором можно привезти её в лес и дистанционно отпереть замок на дверце... А потом ещё надо будет следить за ней, да так, чтобы лихопругка его не обнаружила... Да-а, задал он себе задачку...

Стараясь держаться от клетки на расстоянии, он взял заранее приготовленную в углу лейку и, просунув носик через сетку, налил воды в стоявший в клетке таз.

Лихопругка тут же заскрежетала, повернула воронки в сторону таза и медленно, с видимым трудом, вытолкнула наружу один «прут». Он с тихим плеском опустился в таз, и вода стала убывать, перетекая в расположенный под воронками кожаный мешок лихопругки. Вытащив «прут» из воды, животное выпустило второй и ткнуло обоими в лежащий неподалёку клубень бобовицы. Спустя минуту от клубня осталась только пустая продырявленная кожица. Лихопругка кое-как втянула прутья в воронки, легла и закрыла глаз.

До самой ночи Артём занимался обычными делами по хозяйству: промыл из шланга птицев, вычистил ей ямы и насыпал туда свеженарубленных стеблей грушевой травы; полил огород, подрезал вытянувшиеся плети бобовицы. Полученный от Мискинского плод он убрал в подпол, где хранились запасы овощей. На чёрном блестящем боку «дыни» выделялось зелёновато-сиреневое матовое пятно в форме толстой запятой. Такой природный рисунок с удивительной точностью повторялся на всех плодах Золотых деревьев, растущих в одной роще. В саду Пауля это была «запятая», у Пинго Ройсы, владевшего соседним садом, — «гриб», в другой роще — «галочка»... На ошупь пятна ничем не отличались от остальной кожицы и никак не влияли на качество плодов. Артём положил «дыню» на полку, взял из стоявшего рядом ящика несколько клубней бобовицы и отнёс их в старый сарай.

Лихопругка тихо лежала в клетке и казалась совсем не опасной. Глядя на неё, Артём подумал, что, по сути своей, эти твари — обыкновенные животные, которые жили на Трелоне испокон веков. Но вот на планету явились люди — и все трелонские обитатели, питавшиеся плодами Золотых деревьев, в мгновение ока лишились своего любимого лакомства. Люди огородили рощи и стали тщательно охранять их от любых посягательств. Среди охотившейся за плодами живности, лихопругки были самыми агрессивными, и большинство из них истребили сразу, а оставшихся периодически отстреливали, стоило им только приблизиться к рощам. Те животные, что сумели избежать расправы, ушли в леса. Став хитрее и осторожнее, они не упускали случая напасть на человека, словно мстили за смерть своих сородичей. Щупальца «прутья», которые прежде использовались, чтобы пробивать сверхплотную кожу золотых плодов, теперь превратились в орудия

убийства: звери вонзали их в живую плоть и высасывали жертву, как паук — муху.

Артём проснулся от громкого шума и воя птицев. Прихватив пистолет, он выскочил во двор и включил прожектор. Над загонным вспыхнул яркий свет, выдернув из мрака птицека с перегрызенным горлом, а над ним — вытянутую зелёную морду с двумя жёлтыми глазами и узкой пастью, полной мелких, острых, как иглы, зубов. Артём вскинул пистолет, но в тот же миг понял, что стрелять ему не придётся. Растерзавший птицека куродрал был мёртв — глаза его остекленели, пасть застыла в неподвижном кровавом оскале, а тело распласталось по земле, неестественно прогнувшись чуть ниже шеи. В следующий миг Артём увидел, что из спины куродрала торчит тонкий гибкий прут. Раздался громкий скрежет, и оставшиеся в живых обитатели загона мгновенно попрыгали в свои ямы. На открытом пространстве остались три убитых хищниками птицека и два куродрала, проткнутые хорошо знакомыми Артёму щупальцами «прутьями». Сама лихопругка стояла с наружной стороны загона. Хитро, как показалось Артёму, сверкнув ярко-синим глазом, она замолчала и резко втянула щупальца внутрь воронок. Тела куродралов дрогнули, а следом звякнула металлическая сетка.

— Вот чёрт! — пробормотал Артём, пытаясь сообразить, что теперь делать.

Лихопругка вновь заскрежетала — на этот раз тихо и вроде даже ласково — и направилась к человеку. Артём попятился, наставив на неё пистолет. Лихопругка остановилась. Её глаз чуть сузился, воронки развернулись в стороны, так что казалось, будто она улыбается.

С минуту человек и животное, не шевелясь, смотрели друг на друга, потом лихопругка снова двинулась к Артёму. Тот продолжал держать её под прицелом, хотя уже понял — она не собирается нападать. Не обращая внимания на оружие, лихопругка приблизилась к его ноге и вдруг... потёрлась головой о сапог совсем как обычная земная кошка!

Артём изумленно хмыкнул и медленно опустил пистолет.

Лихопругка приподняла переднюю часть туловища и прижалась животом к коленям человека, глядя на него снизу вверх. Теперь она больше походила на собаку.

За полторы недели, прошедшие с того дня, когда Артём принёс её из леса, лихопругка заметно окрепла. Рана затянулась, впадины прежде бока округлились, тёмно-серая с зеленоватым отливом кожа стала ярче и приобрела здоровый блеск.

Артём осторожно протянул руку и, немного помедлив, погладил лихопругку по шее позади воронок.

Следующие несколько вечеров ушли на перенос загона в другой конец двора. Куродралы приходили из-под земли, и если оставить всё как есть, то через прорытые ходы придут новые хищники. В старом загоне на место переселённых птицев Артём заложил в ямы приманку с ядом, чтобы куродралы-разведчики, вернувшись в гнездо, отравили всех его обитателей.

Мёртвых хищников и одного из убитых птицев Артём отдал на съедение лихопругке, радуясь, что ближайшие несколько дней не придётся ломать голову, чем кормить своего свалившегося как снег на голову питомца.

Поздним вечером накануне нападения куродралов Артём долго лежал без сна, размышляя, как осуществить то, ради чего он затеял всю эту возню с лихопругкой. Она полностью выздоровела, и пора было приступать к выполнению второй части намеченного плана. Пока Артём придумывал, где взять необходимое оборудование и грузовик, чтобы вывезти лихопругку в лес, та уже нашла свой собственный способ решения возникшей проблемы. Оторвав две половые доски, она начала энергично рыть землю, и к тому времени, как Артём уснул, так и не придумав ничего дельного, уже прокопала дыру под железной сеткой и стеной сарая.

Убегать в лес, как выяснилось, она вовсе не собиралась и, выбравшись наружу, принялась бродить, исследуя небогатое хозяйство Артёма, пока не столкнулась с куродралами. Позже он обнаружил её следы по всему двору и был немало удивлен тем, что лихопругка не разорила огород, хотя и топталась возле грядок.

Сегодня Артём возвращался из сада гораздо позже обычного. День выдался не из лёгких. Да что там «не из лёгких», день был просто сумасшедшим! Утром Мискинс огорошил его известием, что получил наследство и улетает на Хафиус, а к вечеру Артём лишился своих последних денег.

— Крабовые поля, Тёма, ты можешь себе представить?! Сто гектаров готовых крабовых полей! А я даже не помню, как выглядит, то есть выглядел, этот мой двоюродный или, чёрт, кажется, даже троюродный дядя!

— И что, он всё завещал тебе?

— Нет, не всё, только поля! Ну так мне и этого для счастья хватит! Ух, заживу! — Мискинс звонко хлопнул себя по ляжкам. — Послезавтра улетаю.

— Как послезавтра? — Артём обалдело уставился на Пауля. — Подожди, а сад?

— Сад я продаю Пинго Ройсе, уже договорился. Только вот... Знаешь, тут такое дело, — Мискинс заёрзал, — понимаешь, у него ведь свои люди скоро без работы останутся, так что...

— Так что ты меня увольняешь, — продолжил за него Артём.

— Извини, Тёма.

— Послушай, Пауль, а ты ещё можешь отменить сделку?

— Артём, — Мискинс откинулся на спинку стула. — Я понимаю, ты — хороший работник, но...

— Да я не о себе, я о саде! Если ты ещё не получил с Ройсы деньги, то лучше продай рощу мне!

— Тебе?! — Мискинс удивленно возрился на Артёма.

— Ну да! У меня есть кое-какие сбережения. Сколько ты хочешь?

— Ну, ты, Тёма, даёшь! Тебе-то зачем это нужно? — Мискинс нахмурился и теперь смотрел на Артёма с подозрением. — Гиблое же дело! Лучше купи на эти деньги билет и лети отсюда подальше. Что ты здесь собираешься ловить, а?

— Сколько ты хочешь за сад?

Мискинс пожал плечами и назвал цену. Этим же вечером Артём отдал ему деньги, которые в течение семи лет откладывал на чёрный день.

Артём отпер калитку и вошёл во двор. Полчаса назад он стал владельцем рощи, и теперь умирающий сад и вот этот домишко с простеньким хозяйством — всё, что у него есть. Очередное безумство. Хобби, что ли, у него такое — совершать поступки один другого нелепее, думал Артём, направляясь к старому сараю.

Услышав, как открывается дверь, лихопругка весело заскрежетала. С той памятной ночи, когда она так неожиданно бросилась на защиту живого имущества Артёма, минуло двадцать дней, и за это время он успел здорово к ней привязаться. Лихопругка оказалась весьма сообразительным животным и легко усвоила установленные человеком правила проживания. Артём назвал её Дусей — в детстве он жил в мегаполисе, где за содержание домашних животных взимались такие непомерные налоги, что родители Артёма не могли позволить сыну завести даже хомячка, и он страшно завидовал соседскому мальчику, у которого была овчарка Дуся.

«Что ж, вот и сбывался мечта идиота!» — усмехался Артём, ласково поглаживая лихопругку Дусю вокруг воронок. Дуся щурилась и подставляла то одну щёку, то другую. Своим поведением она и правда сильно напоминала собаку: радовалась, когда Артём приходил с работы, всюду следовала за ним хвостом и любила, когда её гладят.

Пока хозяин был дома, ей разрешалось свободно гулять по двору, а уходя на работу, он запирали её в клетке в старом сарае, чтобы никто случайно не увидел его необычного домашнего любимца. И хотя гостей у Артёма давно уже не бывало, всё же он не хотел рисковать — уж больно люто те, кто ещё остался на Трелоне, ненавидели лихопругок. Пол под клеткой пришлось укрепить — в дело пошли все куски и обрезки железа, что нашлись в хозяйстве Артёма. Его питомца на удивление спокойно относилась к этому ограничению свободы и по утрам сама заходила в клетку.

План по поиску ростка с треском провалился. Много раз Артём выводил Дусю в лес, но всё без толку. «Ищи! Давай, иди! Ищи Золотое дерево!» — без конца повторял он, подталкивая лихопругку к ближайшим кустам, но она только непонимающе смотрела на своего хозяина, изо всех сил упираясь гребёнками в землю...

Вечерами, после ужина, Артём играл с Дусей и даже научил её выполнять команды



«Лежать», «Голос» и «К ноге». Последняя команда выполнялась Дусей особенно рьяно: она всем телом прижималась к сапогу и висла на нём, не давая и шагу ступить. В этот момент она выглядела так забавно, что Артём просто не мог удержаться от смеха...

Сегодня он отсутствовал гораздо дольше обычного, и Дусиной радости от того, что хозяин наконец вернулся, не было предела. Она принялась так неистово прыгать по клетке, что опрокинула таз с водой и сама завалилась на спину, поскользнувшись на разлитой луже. Помогая ей перевернуться, Артём вдруг увидел на светло-сером животе лихопругки зелёновато-сиреневую запятую, в точности такую же, как на той «дыне», что лежала у него в подполе. Пятно находилось во впадине возле внутренней стороны одной из гребёнок — не удивительно, что он не замечал его раньше.

«Нет, это не может быть случайным совпадением!» — размышлял Артём, доставая из подпола плод. — Слишком уж точно форма пятна на животе лихопругки повторяет этот рисунок, — он впился взглядом в запятую на боку «дыни», — даже размер точно такой же! Наверняка тут существует определённая связь, надо только понять, как её выявить...»

Следующим вечером Дуся получила такой подарок, о котором и не мечтала.

Артём думал, что она сожёт его с ног, когда он с плодом в руках откроет клетку, но ничего такого не произошло. Увидев «дыню», лихопругка осталась на месте и, выпустив «прут», упёрлась им в пол, исподлобья следя за тем, как хозяин заходит в клетку. Артём положил напротив неё плод и, взглянув на Дусю, изумлённо ахнул. «Прут», которым она упиралась в пол, изменился, превратившись в короткую, толстую трубку с тонкими, полупрозрачными стенками. Лихопругка подскочила к плоду и вторым, нормальным на вид, щупальцем мгновенно надрезала твёрдую кожуру, а потом ввинтила трубку в центр мякоти и потянула оттуда что-то тёмное и круглое. «Ядро!» — понял Артём, наблюдая, как шарик медленно движется внутри трубки. Как только ядро закончило свой путь, щупальце-трубка приобрело вид обычного «прута», и Дуся принялась высасывать мякоть плода так, как делала это всегда.

Поражённый увиденным, Артём стоял с открытым ртом. Ядра Золотых плодов были твёрдыми как камни, и он просто не мог себе представить, как их можно переварить. Покончив с плодом, лихопругка бросилась к хозяину, ткнувшись мордой ему в руку, потом в бок, в ноги и устремилась прочь, мимо него на улицу. Артём вышел за ней. Лихопругка носилась по двору, быстро обследуя каждый его уголок, словно что-то искала. Временами она останавливалась и принималась скрести гребёнками землю. Эта беготня с рытьём продолжалась, пока Дуся не выбилась из сил. Тогда, жалобно проскрежетав, она поползла в сарай. «Что же это было такое?» — озадаченно думал Артём, наблюдая, как Дуся заходит в клетку и ложится на пол. Он подошёл и присел рядом с ней на корточки. Дуся вздохнула и закрыла глаз. Вскоре она уснула. Какое-то время Артём смотрел, как она тихо посапывает, раскинув гребёнки в стороны. Наверное, не стоило отдавать ей сразу весь плод... столько калорий!... возможно, она просто переела... Особенно, если учесть, что люди давно уже отучили лихопругок питаться так, как было задумано Трелонской природой... Он встал и вышел, оставив дверь открытой.

Ночи Дуся обычно проводила на улице, а с рассветом возвращалась в клетку, где Артём и запирали её, уходя на работу.

Но этим утром Дуси в сарае не было. Артём нашёл её во дворе, возле забора. Она лежала на боку, и с ней явно было что-то не так. Увидев человека, лихопругка приподняла голову, и Артём заметил, как блеснули на её морде мокрые дорожки.

Он опустился возле Дуси на колени, и она тихо, жалобно заскрежетала, уткнувшись носом ему в ноги. Она дышала мелко и прерывисто.

Продолжение на след. стр.

Московский Салон Литераторов

Продолжение. начало на стр. 4

«Ну что, выявил связь? — зло подумал Артём, глядя лихопрутку по сухой и горячей спине. — Похоже, ты её просто отравил! Предложил райское лакомство, называется! Тебе это ничего не напоминает? Ты ведь уже как-то предлагал рай, помнишь? Таковую связь ты искал?...»

«Нет!! — он рывком поднялся и мотнул головой, решительно прогоняя эти жестокие и пустые, уводящие в глухую безысходность, мысли. — Нет! Не мог я отравить Дусю! Эти плоды лихопрутки ели всегда! Они до сих пор приходят к рошам и пытаются туда проникнуть, чтобы...»

И вдруг его словно током ударило. Ах, чёрт! Так вот что вчера пыталась найти Дуся! «Лихопрутки должны жить в рошах Золотых деревьев! — осенило Артёма. — Они не просто приходили есть плоды, они — часть системы! Вот она, связь! Каждая лихопрутка связана со своей рошей! Не зря у Дуси это пятно! Сад Мискина, мой сад! Проклятье, какой же я идиот!!!»

Он подхватил Дусю на руки и бросился к гаражу, пристроенному позади дома.

Видавший виды внедорожник завёлся, как всегда, не сразу. Наконец, мотор прочихался и, громыхая на кочках, машина выехала из двора.

— Ну, давай же, ржавый драндулет! — вскричал Артём, ударяя по газам. — Покажи, на что ты ещё способен!!!

Восходы на Трелоне были долгими. Огромное розовато-жёлтое светило медленно поднималось над горизонтом, заливая сад ко-сыми лучами.

Артём остановился возле высокого молодого дерева, набравшего первые тёмно-сиреневые бутоны, похожие на крепко сжатые кулаки. Рядом росли деревья постарше, уже увешанные большими, блестящими на солнце плодами. Да, ему есть, что показать Ясуси Таканори. Роша простиралась на километры, и он встал сегодня пораньше, чтобы успеть выбрать не слишком длинный и наиболее впечатляющий маршрут, по которому он проведёт Таканори. Владелец крупнейшей корпорации, занимавшейся торговлей продуктами питания, изъявил желание перед подписанием контракта лично посмотреть один из садов. Видимо, обязуясь закупать плоды исключительно у Артёма Громова, Таканори хотел убедиться, что тот сможет обеспечить должные объёмы поставок.

Артём двинулся дальше. Неподальку от одного из старых деревьев свечой торчал толстый и плотный зеленовато-сиреневый росток, уже готовый раскрыть свой первый лист. Росток взошёл этой ночью и выглядел точно так же, как тот, самый первый...

Артём помнил каждый миг того замечательного утра.

Дожди на Трелоне случались не часто, но той ночью, десять лет назад, шёл настоящий ливень, и Артём почти не спал, слушая непрерывный стук капель, а едва рассвело, отправился в рошу. Весь сад блестел от влаги, крупные кожистые листья и плоды так сияли на солнце, что казались и вправду золотыми.

Росток он заметил сразу, ещё издали. Вот уже несколько дней Артём с пристальным вниманием следил за этим местом у самого слабого дерева, потерявшего почти все плодоносные ветви. Неделю назад Дуся закопала тут ядро. То самое, что проглотила тогда, в сарае. Ядро благополучно вышло из неё естественным образом, после того, как она из последних сил доползла до дерева и, воткнув шупальце в нарост на стволе, выпила скопившийся там сок. Как только нарост сморщился и отвалился, Дуся принялась копать. Она была так слаба, что еле возила гребёнками по земле, но с задачей всё-таки справилась. Ядро упало в ямку, вырытую среди переплетения корней...

Теперь Дуся стала совсем старой и уже не выходит из вольера, где целыми днями лежит на солнышке, наблюдая, как резвится многочисленный молодняк...

Когда Артём вышел из сада и направился к административному зданию, до начала рабочего дня оставалось ещё полчаса.

— Здравствуйте, Артём Валентинович! — Его помощница уже сидела за своим рабочим столом.

— Здравствуй, Ливия, хорошо, что ты здесь.

— Стараюсь. Хотя раньше вас всё равно невозможно явиться, — улыбнулась Ливия Марко. — Сделать вам кофе?

— Сделай. И не забудь, — Артём взглянул на часы, — через сорок пять минут я должен вылететь в космопорт встречать Ясуси Таканори.

— Разумеется. Я только что всё проверила. Флаер готов. Пилот ждёт.

Ольга МОИСЕЕВА



Евгения Худякова

Родилась в Новороссийске, детство прошло в кубанской станице. Закончила юридический факультет Кубанского государственного университета в г. Краснодаре. После окончания университета работала в Москве. Тридцать пять лет живет в г. Королёве.

Стихи пишет со школьного возраста. Выпустила две книги стихов: «Дикие ягоды» и «Чёрный ирис». К изданию готовится третья книга. Печаталась в различных литературных сборниках и периодике. Последний сборник «Светоч» вышел в Латвии зимой 2010 г.

Член Союза писателей России, Литобъединения им. Новикова-Прибоя и Московского салона литераторов.

Над зеркалом обрыва

Ты вновь предстал неумолимо,
Под схимой распятых дум,
Снепившись, наши тени мимо
Брели... и вечер был угрюм.
Каких чудес, какой тревоги
Мы ждали, вольность возлюбя
Своих пустынь, где все дороги
Смятением наших душ скорбят.
И где, как искра из огнива,
Твой взгляд в плену молитв блестит,
А мой, взывая молчаливо
Язычеством, тебя знобит.
И потому, вновь в миг пьянящий,
Воронкою души клубя,
Я, с жалобой тоски молящей,
Вновь ускользаю от тебя.
И ты уходишь сиротливо,
Но ветер мантию твою
Вновь тянет к зеркалу обрыва,
Где в зное рук твоих стою.

Скрипка

Мне тело вытянули скрипкой,
И тёмный шар звезды застыл
Под сердцевиной, где, с улыбкой,
Мне кто-то струны прикрепит.
И лунные качнулись дали,
Через меня пройдя в туман,
Запела скрипка о печали,
Расцвёл цветок, пахнул дурман.
И горло длинное всё пело,
Миндальной долькою звеня,
А ты стоял белее мела
И крепко прижимал меня.

Капля

На узорном листе
Богоокая капля свисает,
Среди мокрых берёз
драгоценная спит тишина,
Только капля росы
просветлённо слезою мерцает,
И дробится сквозь сферу
её серебристая мгла.
Этот миг тишины так задумчив,
покоен и свят,

Так проста красота,
так прозрачно слиянье миров,
Что почудился Бога бездонный
и пристальный взгляд
Через толщу царивших
когда-то туманных веков.

Ступени к храму

Из немых полуслов,
что повсюду как груды лежат,
Из развалин камней,
застывших таинственной вестью,
Собираю ступени,
ведущие к Храму, что свят,
Он взойдёт на горе,
опьянённый загадочной грустью.
В высоте голубой -
песнопеньем захватит миры,

Окружённые жаждою душ,
ожидающих света,
И янтарные свечи
его возгорят как костры,
И чиркнёт в небесах,
белой спичкою, строчка поэта.
Но пока лишь ступени,
не Храм, возвожу я строкой,
За изломом её,
поднимаясь тропою всё выше,
И стоят алтари из камней -
сохраняя покой,
Мой напев на ступенях
туманно-полынных заслышав.

Путь души

Косяк поющий, журавлиный,
Вонзится в алую зарю,
И клинописи зов старинный
Проступит... Я заговорю...
Своей душой с далёкой стаей
На треугольном языке,
И краски неба, подсыхая,
Оставят знаки на руке.
О знаниях природы мудрой,
О красной тайне вдалеке,
И путь души проступит смутно
Сквозь рябь картинок на реке.

Белое мгновение

В лужах цвета фиалки - весна,
В жемчугах вербных почек - прохлада...
И душа, пробудившись от сна,
В пыль дорог вновь отправится рада.
Чтобы слушать молчанье садов
И лиловой горы песнопенье,
И держать на ладони мгновенье -
Белой боли - опавших цветов.

Рыжее солнце скатилось
по крыше пологой
И зацепилось за ветку горячей оливы,
Вспыхнули искры, лилово,
на бархате сливы,
Мёдом пахло над синей
вечерней дорогой.

Белая крепость
за горной грядой заалела,
Там, у обрыва,
размытого лавой вулкана,
Странник серебряный
молча глядел из тумана,
Слушая песню,
что эхом вдали проплывала.
Каменный зной отступал,
чуть колеблемый дрожью,
Стебли высокой травы
серебрились свечами,
Груды камней,
загадочными алтарями,
Всюду чернели, разбросаны
по бездорожью.
В скалах ожили изваяны
ветрами лики,
На плоскогорье молитвенно
падали звёзды,
Чёрное дерево ими светило
сквозь гнёзда,
Голос Вселенной притих
на губах ежевики.

Российские снега

Бескрайнее поле и снежный простор.
Дома, деревеньки разбросаны.
Куда ни посмотришь, в сугробах забор,
Заваленный и перекошенный.
На крышах перины просевших снегов
Да сизые дымные ленточки
Клубятся, как свитки прошедших веков,
Роняющих таинства весточки.
И лишь темнотицы взоры икон
Там души людей согревают,
И тянется длинный заснеженный сон,
Да в печке поленья мерцают.
И стынет метельная песнь под луной.
В ней слышится что-то певучее,
Сливаясь скрижалями с вечной тоской,
Где что-то по-русски могучее.

Плен красоты

Храмы старинные спят над рекой,
Их силуэты качает покой.
В белом сиянии зеркала снов
Плещется музыка древних веков.
Пар над водою, в серебряной мгле,
Свитки свои раскрывает земле.
Тени монахов бредут сквозь рассвет,
Тихо читая священный завет.
Гаснут их лица на чётках росы,
Падая звонами в песни осы.
Здесь можно слушать ногою босой
Медленный гул, что плывет под землёй,
Музыку камня меж берегами,
Голос латыни, хранимый песками,
Белой молитвы загадочный зов
В медном настое колоколов,
Звонко летящей сквозь створки души
К белой дороге далёких вершин,
Соединяя грань тонких миров
Зеркалом хрупким в ладонях веков.
Вот так бы замер надолго... покой...
С музыкой храмов... на глади речной,
Чтобы всё длилось и длилось века —
Плен красоты, тишина и тоска...

Миражи пустыни

Мой след на песке, в миражах
медно-красной пустыни
Оплавленный солнцем, проходит
сквозь время в тумане,
Подожвы сандалий её поцелуем
отныне
Горят... я блуждаю в пространстве
зеркальном, в нирване.
В пещерные храмы забытого
города вхожа,
На фресках ищу я там жившую
прежде, иную,
Но сумерки гасят миражные лики,
и стужа
Сквозь пламень души проступает
за грань роковую.
Но полдень опять, рассекаясь на
трещины боли
В ладонях пустыни, рисует
картины былые,
Столкнув миражи, где забытые
лица и роли,
Где лики мои друг на друга
глядят, как живые.

Утро Парижа

Нотр-Дам, отряхнувши туманы,
Проступил в акварелях высот,
И, раздвинув завесу, каштаны
Тихо вышли в проёмы пустот.
Сединой чуть мерцала аллея
Под опалами сонных свечей,
Окаймлённая Сеной камей
Обнажала Париж для очей.
И зеркально дрожащие крыши
В перламутрово-сизой дали,
Звук падения времени слыша,
Проливались в полотна Дали.

Облака и туманные птицы
Вдаль скользили цепочкой веков,
И затеплилась кромка зарницы
Хрупкой кистью лиловых цветов.
Это утро, дрожащее влажно,
Погасив огоньки фонарей,
Над Парижем раскинуло властно
Шёлк листвы, мокрый запах аллей.

Трепет смятенья

И вновь показалось, что вспыхнул овал
Какого-то млечного света,
Который во мне уж давно умирал
Прожилками бабьего лета.
Как жёлтое пламя осенней листвы,
Горящей сквозь сжатые веки,
Ты тенью на нотные падал листы,
Где синими венами ветки.
Готический профиль твой,
взглядом задев,
Мелькнул средь алей, растворяясь,
И струны звенящие, окаменев,
Замолкли... в несказанном каясь.
Лишь пламя твоё не сходило с лица,
Мерцающая таинственно алым,
И было начало и гибель конца
Смятением любви запоздалым.



Сергей Аринчин

Родился в г. Красноярске в 1951 году в семье служащих. Кандидат технических наук. Стихи и песни начал писать в седьмом классе школы. Первые публикации были сделаны в альманахе «Енисей», публиковался в красноярских газетах и журналах. Автор трёх книг: «За яблочным вином» (1992), «Джеликутон» (1998), «Возвращение на Джеликутон» (2003). Один из авторов поэтических сборников «Весенние ручьи» (2003), «Поэзия на Енисее — 2006». Участник Всесоюзного совещания молодых литераторов. Автор-исполнитель собственных песен.

Аукцион

Открываю торги,
Собирайтесь скорее, поэты!
Отдаю сложность мира
За несколько простеньких строк.
Кто берёт? Нет таких?
Занимают другие предметы?
Сложность — раз,
Сложность — два,
Сложность — три.
Отсчитал молоток.

Пробежал по рядам
Иронический ропот:
«Что за фарс
Непонятная эта цена?»
Я в ответ извлекаю
Предмет допотопный:
Продаётся фантазия!
Многим нужна.

«Я беру! Я беру!...» —
Оживленье в прокуренном зале.
Ждут начальную цену
И доходы считают в уме.
Я прошу за неё
Слово чистой печали
И суровый обет
Ехегі monument.

Но к латыни сухой
Интерес сразу спал.
Есть фантазия — раз,
Есть фантазия — два,
Есть фантазия — три.
Молоток отсчитал.

Разобиделись, стихи
И поглядывать стали на двери.
Я с наивной надеждой
Последнюю боль не таю —
Есть любовь! Сжалась публика.
Глянул — глазам не поверил:
Неужели у всех уже есть?
Даром я отдаю!
Не стучи, молоток,
Стань, бездушный, на миг один
добрым.
Отчего вы молчите
При слове коротком — любовь?
Ей подвластны и сложность,
И чудесной фантазии образ...
Даром! Только любви!
Немота опустевших рядов...

Среди людей несчастных и уставших
Быть добрым страшно:
В доброту вцепившись,
Они на дно уходят вместе с ней.

Среди людей благополучных, сытых
Смешно быть добрым:
Доброта — как посох,
В дороге гладкой посох ни к чему.

К кому ж быть добрым
В этом странном мире,
Где человеку то смешно, то
страшно?
К любимой, только лишь к любимой.

КРАСНОЯРСК



Легенда о сибирском купце

«Жил-был и не где-нибудь, а в сибирской стороне-чужине богатый-пребогатый купец. А богатство свое прикопил не трудом праведным, а обманством да убивством.

Жил, гулял-пировал, денежку наживал, людям мозги морочил, девкам судьбы уручил. Агромадное состояние скопил, но деток себе не народил, друзей истинных не заимел, о душе бессмертной не радел.

Шампанским дорогим умывался, сторулевками золотыми утирался, по коньякам ханзусским на лодочке катался.

Только не век же ему молодым да здоровым быть. Очнулся раз купчина, а в глазах — кручина. Поглядел вокруг. В зеркало на себя зыркнул, да чуть язык не сглотнул! А из зеркала на него страшилище глядит, усами шевелит. А само... лохмато, пузато, седо, да нечёсано, беззубо, да заскорузвело! Порешил купчина страшил у эту отпугнуть — ногой пнуть. Ан, нет! Можно хоть на дерево залезть, а это он сам и есть!

Ангел-хранитель, что при ём тайно находился, на энтот раз изловчился и давай шептать:

— Живёшь, как тать. Скоро к Богу на суд пойдёшь, что с собой возьмёшь? Вот эти камни? Что проку от их горения? Бога богатством своим не удивишь, только пуще прогневишь. Где твои добрые дела? Кого ты голодного окромя, как по пьянке, накормил? Кто жаждою томился — того напоил? Кто бос-раздет был — одел-обул? Талант, тебе данный, зачем в три погибели согнул?

Чтоб спала с тебя кручина, ступай, иди, купчина, во святой город, во град Саров, пройди по пути сто потов. К самому Серафиму Саровскому заявися, в его ноженьки босые поклонися. Чтоб он за тебя перед Господом заступился, а ты бы ему во всех грехах смертных повинился.

И такого он страху на купчину нагнал, что тот кошель здоровенный взял со златом да изумрудами — яхонтами (кто бы увидел, сразу ахнул бы!). Взвалил кошель на спину, сапоги свои сафьянные золоченые в болото закинул, кафтан, алмазами расшитый, золотой канителью повитый лакею отдал. Да в одной исподней рубахе, в толпе других богомольцев из Сибири до Сарова пёхом прошагал.

Ноги в кровь разбил, скоко разов падал, выбивался из сил. Шёл мимо реки Енисея, золотишко повсюду сея, мимо Оби, где когда-то другого купца убил, мимо Иртыша, где млела душа. Мимо Москвы первопрестольной, где прежде гуливал вволю, мимо Нижне-Новгорода — дорога долгой была.

Ан, на холме, над рекой, над Сатисом — церковь-красавица. Город полон народу, все пришли сюда Богу в угоду.

Как монахи купца увидали, да на евойный кошель поглядали, не допустили купца до Серафима Преподобного, Господу Богу угодного. Не допустили, мзду с него спросили на строительство гостиницы для паломников.

Ещё епитимию наклали: в Иерусалим-город пешим ходом отослали до гроба Господнего, чтобы так вот и лез в одном исподнем. На каждом бы взвороте поклоны бил да встречного каждого



Нина Шалыгина

Родилась в вагоне поезда «Киев — Житомир». Писать стала со школьных лет. С 2006 года живёт в Красноярске, создала и руководит творческим объединением «Керосиновая лампа». Член Союза российских писателей с 2000 года.

Лауреат Всесоюзного телевизионного конкурса. До октября 2006 года жила в г. Зеленогорске. Более 37 лет (с января 1969 по октябрь 2006 г.) руководила городским музыкально-литературным объединением «Родники» на общественных началах. Имеет несколько правительственных наград. Отмечена «Почётным знаком за заслуги перед городом».

пуще себя любил. И пообещали, когда вернётся: если жертва ему зачтётся, построить всё, как обещано, сделати всё, как завещано.

Долго ли, коротко ли ходил купец, но возвратился, наконец. На коленях молили от поклонов, ноги избиты до первой кости. Всё просил он:

— Господи! Спаси и прости!

А монахи к его приходу возвели одну только крышу и ничего выше! На кирпичики крышу поставили, да так и оставили. Гляди, мол, купчина: не кончается твоя кручина. Не принята твоя жертва. Давай еще денюжат да камней жертвуй. Построили мы гостиницу, четьре этажа! До того ж она была хороша! Только вот, как тебе придти, за ночь в землю ушла. А уж больно она пригожа была. Одна крыша всего и осталась. Видно, в землю не убралась?! Давай, вертайся заново, тропую, тебе судьбою данною. А мы на денежки твои ещё раз гостиницу выстроим. Может быть, свои страданья уже выстрадал?

И снова пошел купец грехи замаливать, прощенья вымаливать!

Вернулся через время како: снова — одна крыша, только краской другой дышит.

Сколько разов купец ходил, до какой кости ноги износил, не ведомо, с летописаниями не сверено. Все богатство раздал — раздарил, на гостиницу отдал, много страдал, да где-то на пути к Иерусалиму, то ли от него — упал, пропал. Может, разбойники задушили, в корчи затащили? Может, сам от вериг тяжёлых, двухпудовых в пыли придорожной скончался. Только сказ об ём остался. А гостиницу после смерти его построили. Раз нет купца, дальше хитрить стоит ли? А стоит ли та гостиница до сих пор и радуется ли она взору, о том не ведаю. Вот наеду — проведаю».



Тамара Булевич

Булевич Тамара (в девичестве Гармаш) родилась в бывшей казачьей станции Пресногорьковской (Республика Казахстан). Журналист. В Красноярске живёт с 1977 года.

Член творческого клуба «Московский Парнас» с 2006 года. В 2007 году в журнале «День и Ночь» (№ 3-4) и альманахе «Московский Парнас» опубликованы: первая повесть «Фрося-Ефросинья», рассказы «Дед Игнат», «Дальнее зимовье». В 2007 году за повесть «Фрося-Ефросинья» Международная Ассоциация писателей-баталистов и маринистов удостоила Тамару Булевич звания лауреата литературной премии и Золотой медали имени Константина Симонова. На стихи Т. А. Булевич красноярскими композиторами написаны романсы и песни.

Член Союза писателей России.

Что оставляю...

Что оставляю в памяти поспешной
О себе, неловкой и земной?
Как люблю я мир любовью нежной,
И как мир смеется надо мной...
Как свобода захлебнулась в оре —
И Россия полнитися тоской,
Как душа сама с собою спорит
И жива лишь новою строкой...

Расплескала душу

Расплескала бездорожьем душу,
Не хочу ни говорить, ни слушать.
Захлебнулось моё слово роком
И толпой, безухой и безкой.
Я живу теперь, как за границей,
Солнце родины распятой снится...
Мне её простора не хватает,
И свобода на ладони тает...

Кровь и боль

Я хочу спросить у вас, у сильных,
Власть урвавших нынче спесью бойкой:
— Сколько золотых умов России
Пропитанья ищут на помойках?
Сколько в нищете запойной гибнет,
Тех ребят, кто нас спасал когда-то,
Кто служил отважно Флагу, Гимну...
Где страны исчезнувшей солдаты?
Сколько матерей застыло в оре,
Потерявших сыновей бесславно? —
Вся Россия захлебнулась горем
От Чечни, Норд — Оста и Беслана!
Что ж вы, умники, творите с нами!
Без войны гуляет смерть с косяком,
Пол-России залито слезами
От обид, террора и разбоя...
Спрашиваю? Не дождусь ответа.
Тех уж нет, других совсем не видно.
Катится беда из лета в лето,
Кровь и боль...

И за Россию стыдно.

Горячие ладони

Я все чаще улетаю в осень,
В золотое лесов, тоску туманов,
В серебристую распадков просинь,
В заросли рябиновых дурманов...
Хохоча, кружусь в осеннем вальсе,
Ветерок листву под ноги стелет
И зовет в неведомое счастье -
Раствориться в ситцевой метели...
Вихрем упаду в копну ржаную,
На ресницах звезды в хороводе
Говорят о чем-то, не пойму я,
Что-то обо мне, безумной, вроде...
И, стыдись, горячие ладони
Остужу я сонным лунным светом.
Где-то иволга во сне застнет,
Пересмешник захочет где-то...

У костра печали...

Не могу никак согреться
У костра печали вечной.
Не кричи, больное сердце,
О предательстве беспечном.
Чувства в слово заматаю,
За семью замками спрячу...
Но опять весной мечтаю,
От любви смеюсь и плачу.
И хочу земною птицей
В небесах далеких скрыться...
Все оставленное мною —
Не со мною, не со мною...

г. Красноярск

Чайки над кладбищем

Это была дружная семья. Дружно жили, дружно спивались. Отец трудился на заводе слесарем, потом простудился по пьянке — и после долгих мучений (пневмония, абсцесс) ему удалили левое лёгкое, он стал инвалидом, а пенсия маленькая, не прожить. Подрабатывал сторожем. Его дочь Надя, которой уже за тридцать, тоже нигде постоянно не работала, хотя когда-то на одни четвёрки закончила школу, а потом училась на курсах секретарей-машинисток, знала неплохо английский, разбиралась в компьютере, но по специальности так и не смогла устроиться (скромница-тихоня), вот и сидела дома, вела хозяйство. Её мама, его жена, много лет проработала в издательстве корректором — но потом её сократили (кому нужны в наше время корректоры? — все книги выходят «в авторской редакции»), и от обиды она стала ещё больше выпивать, отчего и «посадила сердце» (так объяснял её муж).

Больше года как мамочка умерла, и теперь каждую субботу отец с дочерью приезжают на кладбище, навещают её могилу. Сегодня им повезло с погодой. Небо ясное, голубое, над кладбищем с рыдающими криками носятся белые птицы... да это же чайки! — Ты смотри — чайки! — воскликнул изумленный отец. — Откуда они тут взялись? Ведь ни моря рядом, ни озера... и Енисей далеко... Что за чудо природы?

— А может, детка, это вовсе не чайки? — нежно усомнилась Надя. Она почему-то в последнее время стала звать отца «деткой».

— Да что я, слепой? Чайки, говорю тебе! — Он даже разволновался.

— Ну хорошо, пусть чайки, разве я спорю?

— Да что ты со мной, как с больным? — возмутился отец. — Будто я чаек не видел...

— А я вот не видела — и мне не стыдно, — и Надя рассмеялась тихим русалочьим смехом. Это ей так казалось, что у неё русалочий смех.

Она была совсем молодая на вид, эта Надя, не дашь тридцати, «на спирту сохранилась» (шутил отец) — и выглядела как двадцатилетняя: худенькая, с чуть раскосыми глазами, с вечно шаловливой улыбочкой. Только речь выдавала её — сбивчивая, ускользающая, не всегда внятная, с нелепыми хохотками и вздохами... Речь пьющей женщины, которая почти не бывает трезвой.

— Смотри, какой большой кролик! — восторженно крикнула Надя.

— Где? Да это же заяц... Заяц! Русак! И откуда он тут взялся? — опять удивился отец. — Ну, заяц, погоди!

Но косой уже усакал прочь, перепрыгивая через могилы.

— Чудеса, — не мог успокоиться отец. — Чайки, зайцы... не удивлюсь, если тут, на городском кладбище, волк объявится...

— Ой, не надо, детка! — притворно всплеснула ладошками Надя. — Волков я боюсь...

— Со мной никого не бойся... А вот и наша мамочка, — сказал отец, подходя к могиле жены. — Сейчас мы тебе цветочки свежие поставим, могилку почистим... Соскучилась без нас?

— Ой, соскучилась, — вздохнула Надя, присаживаясь на скамейку возле могилы. — Сейчас, мамочка, мы тебя помянем...

Надя разложила на столике варёные яйца, помидоры, свежеспеченные блины, банку с киселём. Поставила и бутылку водки, и два стограммовых гранёных стаканчика.

— Детка, ты сильно не утомляйся, у тебя же одышка, — заботливо сказала она отцу. — Сядь,

отдохни, я сама приберу могилку. Тут вообще-то чисто, мы ж недавно с тобой прибирали... Сядь, кому говорю! Вот так. Ну, давай выпьем за мамочку — пусть ей земля будет пухом.

Выпили. Закусили. — Мамочка слышит нас, — строго сказал отец, — гадом буди, она нас слышит!

И он всхлипнул.

— Ну-у, детка, не плачь, — и Надя вытерла слёзы с его морщинистого лица. — Не надо плакать. Ты же бывший солдат. А солдаты не плачут...

— Как сейчас помню, — сказал отец, наливая по второй, — шестьдесят седьмой, китайская граница... остров Даманский... ежедневные провокации!

— Ну, детка, ну перестань...

— Я был ранен! И дважды контужен! — надрывно вскричал отец. Залпом выпил водку и выдохнул: — Ух! Как мы им выпали, этим Китаезам... как мы им вломили!

— Ну, детка... Ты лучше выпей ещё... Вот так, умница! А теперь — спой свою любимую... про комбата... Спой, детка!

И скобоченный худой старик с редкой седой щетиной на голове запел про батяню-комбата, но на первом же куплете сорвался в плач — и затрясся, завыл, зарыдал.

— Сука-жизнь... — хрипел он, мотая головой и разрывая на груди рубашку. — Эта сука-жизнь... скорее бы сдохнуть!

— Что ты, детка! — обняла его разрумянившаяся Надя, прижалась к нему, поцеловала его в седую стриженую макушку. — Зачем же тебе умирать? Не расстраивай мамочку — ведь она нас слышит... И меня не пугай, ведь я же тебя люблю... У меня ведь нет никого на свете, кроме тебя! — Она гладила его по худому плечу, гладила и бормотала: — Разве плохо нам с тобой живётся? Ну, денег мало, но это же пустяки! У меня пособие, у тебя пенсия — не пропадем!

— А я сторожем опять устроился, — прерывисто вздохнув, тихо, но гордо сказал отец.

Первая скрипка в оркестре

То, что я рога носец, ни для кого никогда не было тайной. Рога мои отрастали естественно, и никто ни в чём не был виноват.

Жил я тогда после окончания Технологического института в общежитии на улице Марковского.

Общежитие смешанное, пятиэтажное: этаж — девушки, этаж — юноши, комнаты гостиничного типа, туалет и душевая — в одном крыле, кухня — в другом.

Живи и радуйся! Все условия для женихов и невест.

И влюбился я в скрипачку Машеньку Иванову, выпускницу Свердловской консерватории, распределённую в наш прекрасный сибирский город Абаканск в связи с образованием у нас Сибирского симфонического оркестра.

Высокая блондинка с васильковыми голубыми глазами и длинными нежными музыкальными пальцами. Про таких поётся в народе: «Посмотрит — рублём подарит».

«Превратим Сибирь в край высокой культуры!» — такой лозунг висел над фасадом филармонии и мелькал тогда в каждой газете.

— Зачем превращать область в край? Надо превращать её в центр культуры! — сказал я Машеньке, едва мы познакомились. И она со мною согласилась. И пригласила меня на симфонический концерт.

Бах. Моцарт. Вивальди. Машенька играла по нотам, сидя в глубине оркестра и глядя на поппитр. Дирижировал седой маэстро. Но я смотрел не на него, а на Машеньку, я любовался ею, слушая божественную музыку, то с открытыми, то с закрытыми глазами. Слушал, набираясь вдохновения и смелости.

Потом я провожал её от филармонии до общежития. Читал стихи Ахматовой, Цветаевой, Пастернака... И, конечно же, свои, только что рождённые:

«Маша, Маша, ты — мой свет!
И тебя прекрасней нет.
Ты — как море кораблю.
Знай, что я тебя люблю!»

И после третьего концерта по превращению Сибири в край высокой культуры я сказал: — Маша! Позволь сделать тебе предложение: выходи за меня замуж!

Неделя прошла для меня в мучительном ожидании.

Маша сомневалась, колебалась, и лишь только когда в дело вмешалась приехавшая из Свердловска её мама, объявила:

— Федя, я согласна!

Все пять этажей общежития пришли поздравить нас.

Комсомольско-молодёжная свадьба удалась на славу.

Комната, которую Совет общежития выделил нам как молодожёнам, была завалена подарками и цветами.

Медовый месяц мы провели в Крыму, на берегу моря, в старинном одноэтажном Кокте-

беле, который был тогда центром планеризма и поэтому назывался Планерское.

Мы купались в бирюзовом заливе, выискивали в прибрежных волнах светящиеся красными огоньками сердолики, восходили на потухший вулкан Кара-Даг и даже поднялись однажды на планёр над Коктебельской бухтой — красота, восторг неописуемый, до сих пор, как вспомнишь, дух захватывает...

— Машенька, я так счастлив! — кричал я, пролетая над виноградниками.

— Я тоже счастлива! — вторила мне моя молодая жена.

— И я хочу, чтобы у нас родились близнецы! — продолжал я.

— Почему обязательно близнецы? — удивлялась Маша.

— Потому что я очень люблю детей и хочу, чтобы их было как можно больше, на радость тебе и мне!

Но как я ни старался, детей у нас почему-то не было.

И только на приёме у врача по этому поводу, когда он собирал у меня анамнез, вспомнил я, что перед поступлением в Технологический институт, на факультет «Прочие дисциплины», соблазнённый повышенной стипендией, подпisał я бумагу, в которой ясно было сказано, что факультет вреден для здоровья, так как связан с изготовлением компонентов засекреченного тогда ракетного топлива, и, возможно, что у тех, кто поступает, впоследствии будет нарушена репродуктивная способность.

Тогда я не придал этим словам особого значения, бумагу подписал с отличием окончил институт.

Машенька, как могла, меня успокаивала. — Что ты, Федя, ведь всё у нас хорошо, ведь мы с тобой счастливы? А что нам ещё нужно?

Чтобы укрепить наше семейное счастье, на химкомбинате «Ионесси» партком, профком и завком решили выделить нам квартиру в хрущёвской пятиэтажке — третий этаж, две изолированные комнаты, совмещённый с ванной санузел.

И мы продолжили счастливую жизнь.

Я работал на химкомбинате начальником цеха. Она играла в оркестре. С утра — репетиции, вечером — концерты.

И вот однажды, когда Маша была с оркестром на гастролях в Болгарии, получил я телеграмму: «ФЕДЯ зпт У НАС БУДЕТ РЕБЁНОК тчк ПОЗДРАВЛЯЮ тчк»

Но родился не один ребёнок, а два: близнецы, двойняшки. Как я хотел!

Таня и Ваня. И Таня, и Ваня, как две капли воды, были похожи на Художественного руководителя и Главного дирижёра симфонического оркестра Илью Лазаревича Миллера.

Я по этому поводу несколько не комплексовал.

Таня и Ваня росли весёлыми, наделёнными всевозможными талантами. Ваня сейчас знаменитый художник, живёт в Израиле.

Таня известная певица с удивительным меццо-сопрано, живёт в Италии, но дело не в этом.

А в том, что счастью нашему не было предела, хотя предел ему чуть было не наступил. Хорошо, что вмешалось Провидение, и всё обошлось наилучшим образом.

Как говорится, нет худа без добра.

Однажды, когда я был на работе, а дети в детском саду, затеяла Маша генеральную стирку на нашей старенькой стиральной машине «Снежинка». И когда уже доставала из неё бельё и отжимала между двумя резиновыми валиками при помощи коленчатой ручки справа, и развешивала на горячий змеевик, электрошнур, протёртый на сгибе, замкнул провода, и ударило её мощным разрядом электрического тока...

Как потом рассказывал мне Гоша, сосед по лестничной площадке: —

Захотелось мне выйти в магазин за покупками, открываю дверь, а там, за нею, лежит Мария Петровна, с мокрой наволочкой в руке, в бессознательном состоянии, и шепчет: — Скорую вызывай! Быстрее!

И как потом рассказывала мне Машенька: — Стукнуло меня током, и прилипла я к змеевику, насили оторвалась, упала и поползла к двери, шепча слова откуда ни возьмись пришедшей мне на ум молитвы: «Господи, спаси и сохрани меня ради деток моих Тани и Вани, и мужа моего Феденьки...»

Слава Богу, скорая помощь прибыла незамедлительно.

Маша находилась уже в состоянии клинической смерти. Но экстренные мероприятия по реанимации, спасибо врачу Якову Абрамовичу Фельдману, с которым я до сих пор поддерживаю дружеские отношения, увенчались успехом.

После выписки из больницы аистика по воспитанию Маша поверила в Бога, приняла обряд крещения и стала прихожанкой Покровской церкви.

Мало того, у неё обострилась музыкальная память, и она стала играть без нот все скрипичные партии.

Бах. Моцарт. Вивальди — в совершенстве, без проблем.

Увидев это, Главный дирижёр и Художественный руководитель, отец Тани и Вани, Илья Лазаревич Миллер, объявил Машу Первой скрипкой, и со словами «В симфоническом оркестре чем человек сидит ближе к дирижёру, тем он больше получает» — вывел её из глубины оркестра и вместо 220-ти назначил ей оклад жалованья в 600 рублей.

Мало того, Машенька вдруг необычайно похорошела, её васильково-голубые глаза стали коричневыми, как две спелые смородинки, а волосы — чернее воронова крыла!

И тут же в неё влюбился флейтист оркестра Арам Мартиросян.

Но я по этому поводу не комплексовал. И родились у нас близнецы-двойняшки, как я хотел, Наташа и Аркаша.

Сейчас Наташа живёт во Франции, она известный художник-модельер. А Аркаша живёт в Англии, он — полиглот, знает все европейские и азиатские языки и преподаёт в Кембридже славянскую мифологию.



Эдуард Русаков

Член Союза российских писателей, член Русского ПЕН-центра. Родился 31 октября 1942 года в городе Красноярске. Писать начал примерно в 12-13 лет детективные повести про американских шпионов и советских контрразведчиков. В девятом классе начал писать стихи, потом, начитавшись Гаршина, Леонида Андреева и Достоевского, увлёкся сочинением психологических рассказов (чем и продолжает заниматься до сих пор). С 1994 года — в журналистике. В настоящее время — обозреватель в газете «Красноярский рабочий» и заместитель редактора журнала «День и Ночь», член редколлегии журнала «Сибирские огни». В разные годы рассказы и повести издавались в стране и за рубежом (в Болгарии, Венгрии, Франции, Германии, Финляндии, Словении, Японии, в бывших республиках СССР), в Болгарии и Венгрии выходили его книги.

— Ну, вот видишь... Мы с тобой, моя детка, будем жить долго-долго, мы будем помогать друг другу, поддерживать друг друга... Мы никогда не расстанемся, а значит — никогда не умрём!

Он что-то хрипел невнятно, она бормотала свои ласковые бессмысленные слова, а над ними зигзагами носились белые чайки, а из-за дальнего куста косил глазом серый заяц, а из-за соседней могилы выглядывал серый волк, а с голубых небес на них нежно смотрела мамочка и роняла прозрачные алмазные слёзы.



Николай Ерёмин

Родился 26 июля 1943 года в г. Свободном Амурской обл. Член Союза писателей СССР с 1981 года и Союза российских писателей с 1991 года. Член творческих объединений «Керосиновая лампа» и «Русло». Лауреат премии «Хинган». Автор многих книг стихов и прозы.

Свой творческий рост Николай Николаевич сопровождает открытием новых авторов. Среди его выдвинутых некоторые связали с литературой свою жизнь.

Большая дружба у него с литературным объединением «Эхо Арги» города Назарово. Он многократно отмечен почетными грамотами краевого правительства. Союз казаков Красноярского края наградил его медалью в честь его юбилея.

И все вокруг нас с Машенькой счастливы. Она оставила симфонический оркестр и поёт в церковном хоре.

Я ушёл с химкомбината «Ионесси», поскольку меня, как борца за его закрытие, избрали депутатом в Законодательное собрание Абаканской области, и я выдвинул лозунг: «Превратим Сибирь в экологически чистый центр!» И большинство депутатов, — эдакая фракция счастливых рога носцев, хоть про каждого рассказ пиши, — меня поддерживают.

Стихами я, конечно же, давно не грешу, они сделали своё благородное дело.

Перешёл на прозу. Пишу иногда публицистические статьи и злободневные рассказы для газеты «Абаканский патриот».

А недавно позвонил мне редактор журнала «Новый Абаканский литератор», попросил денег на издание очередного номера и рассказ.

— Деньги есть, а рассказа нет! — сказал я ему.

— А вы напишите! — сказал он.

— О чём?

— О нашей жизни, разумеется, желатель-

но — о любви. Только правду, правду и ничего, кроме правды!

Я просто вынужден был согласиться, вот и написал этот рассказ.

Тем более, время есть. Начался сезон летних отпусков. Все дела закончены, и завтра мы с Машенькой садимся в поезд и едем в Крым, чтобы из окна вагона посмотреть на новую Россию, а потом вспомнить молодость.

Да, всё изменилось.

Крым вернули крымским татарам. Планерскому вернули название Коктебель, и центр планеризма стал многоэтажным центром туризма, над которым, к сожалению, уже не полетаешь.

г. Красноярск

Сергей Лыткин

Сергей Лыткин родился в 1953 году, живёт и работает в Красноярске. Член Союза журналистов России. Стихи печатались в альманахе «Енисей», в журнале «День и Ночь» и других изданиях, звучали по радио и на телевидении. Несколько поколений красноярских детей слышали написанные им песни к спектаклю «Золотой ключик» краевого театра кукол.

Из эвенкийской тетради

* * *

На таёжных просторах
эвенкийской земли
Слышал много историй

я седой старины,
Их шептала река, их нашёптывал лес,
Они тихо звучали с белесых небес,
Опускаясь на землю

с бесконечным дождём,
Сколько струй, столько сказок,
сказаний и притч.

Иногда их дарил журавлиный мне клыч,
Иногда их дарил мне раскатистый гром,
Их луна посылала в сиянье своём,
Да и ворон, летящий на трапезу тоже,
Хрипло каркая; дятел, стуча по берёзё;
И кедровки-болтуны средь

веток кедровых,
И хвастливые белки, что ели с ладони,
И медведи, и волки,

что до слов не охочи,
Мне истории эти несли среди ночи.
Когда правит лесами одна тишина,
Заходила как гостья ко мне старина
И, садясь у печурки, растопленной жарко,
Раздавала несметно такие подарки,
От которых от счастья спирало в груди.
Говорила: ты строго меня не суди,
Я ведь разной бывала, бывало и так,
Что сегодня понять ты

не сможешь никак:
На таёжных просторах
эвенкийской земли,
Как брусничник весною когда-то цвели,
Как умытый росой серебряный мох,
Те истории были свежи и чисты
И дышали туманом, и каждый их вздох
Отзывался, как эхо. И каждый сполох,
Что морозными днями расцветчивал небо,
Повторял с замиранием правду и небыль,
И хранили веками и маут, и чум
Этих древних историй и мудрость, и ум.

На таёжных просторах
эвенкийской земли
Много разных историй

под снегом легли.
Утонули в озёрах, заблудились в лесах,
И порой оживают еще в детских мечтах.
Но приходят лишь к тем,
кто сердцем не глух,
Из бесед стариков и ворчанья старух,
Что и сами не помнят, откуда взялись,
Но пока оживают — продолжается жизнь.

* * *

Эвенкийская тихая песня
Над Чункой плывет, как заря,
И ей вторит тайги редколесье,
И укрытая мохом земля.

Потому что нет слаще мотива,
Разве только, что клик журавлей,
Что летят над разливом марила,
И, прощаясь, курлычат над ней.

А Чунка, обмелев в эту осень,
Так и жметя к своим берегам,
И бредут одинокие лоси,
Чуя гон и уже угрожая врагам.

Их рога заострились, как пики,
Их копыта готовы к борьбе,
Их протяжно — высокие крики
Возвещают о славной судьбе.

Над Чункою заря разметалась,
Песня тает в таёжной дали,
В ней осенняя тихая радость
Эвенкийской прекрасной земли.



Мария Муравьева

Родилась в 1982 году в городе Дивногорске. Стихи пишет с раннего детства. Поэзия для неё — способ жизни. Её произведения печатались во многих сборниках и альманахах. Участник проекта «100 женских творческих лиц Красноярского края». Автор поэтического сборника «Живи...». Член литературного объединения г. Дивногорска «Потомки Ермака» и Красноярского творческого литературного объединения «Керосиновая лампа».

* * *

Она бежит от себя, прикрываясь верой
Во что-то свыше или, точнее, в Бога.
Она, замирая, ждёт, когда я первым
Сожму ладонями, острыми до озноба,
Тонкие скулы. И губы вопьются в губы.
Забьётся дыхание птенчиком озорным.
Я перестану играть с ней.

Я стану грубым,
Чтоб ей было проще себя

оправдать пред Ним.
Но когда я уйду —
её пальцы цепляют воздух,
Инстинктивно вторя

контурам бывшей-я...
Она бежит от себя. А, по сути, просто
Она балансирует на кончике острия.

* * *

Во мне взрываются бомбы.
Во сне стираются лица.
И красок ядерный всполох
Багрянит губы к утру.
А я, по-прежнему, помню —
На коже — крылья-ресницы,
Под кожей — пламенем пороха.
Тот след я вряд ли сотру.
Он выткан взглядом печальным,
Написан кровью и снегом.
Не надо, слышишь, не надо
Пытаться что-то менять.
Мы слишком долго молчали,
Устали кони от бега.
И — детским криком — преграда
Передо мной... от меня.

* * *

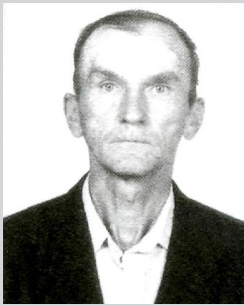
Я подставляю щеки твоим ладоням,
Ловлю шагов бег.
Мы связаны воедино. Мы вместе тонем
В низовьях шпионских рек.
Я никогда тебя не посмею бросить,
Даже когда преступлю черту.
В моей голове зреет масса вопросов...
Стану обдумывать —
крылья сломаются на лету.
Воздух ворвётся звенящей иволгой
В грудную — но всё же — клетку...
Сколько смогу продержаться? Долго ли?
Какую атласу выбрать расцветку
Для сонного савана —
одеяния бесконечного?
Возьму голубую, глазам твоим сходную...
И в миг, когда произнесешь
«До встречи» мне,
Но уйдёшь навсегда, я поцелую пулю...
Хватит — одну...

Гимн Свободе

Солнечным ветром врываясь в ладони,
В лицах прохожих себя отражая,
Мчались по улицам медные кони,
Трубоподобно залиvistо ржали.
Сбив постаменты, разрушив границы,
Четкие ритмы копыта стучали.
Медные гривы взмывали, как птицы,
Крупы в полёте вились обручами...
Им удалось превозмочь притяженье,
Тяжесть в телах от обветренной меди...
Бывшие статуи пили движенье,
Гимном свободы летя по планете.

* * *

Здесь абсолютно некуда бежать.
Вокруг лишь прутья проржавелой клетки.
В подъезде жмут друг дружку малолетки,
Парами секса бешено дыша.
Я натяну поводьев острый шёлк.
Мой рот надорван, но не чуёт боли.
От пота пуд окаменелой соли
Вьедается в бока. Пошёл-пошёл!
Я сам себе спаситель и палач,
Назначу плату за свою свободу,
И, гимном многоликому уроду
С названием «общество»,
мой разольется плач.



Дмитрий Цветков

Дмитрий Цветков родился и вырастил сам в себе истинно русского поэта в извечно голодной Ивановской области. В конце 90-тых годов двадцатого века он, мастер на все руки, не востребован своей малой родиной. Классному печнику, слесарю и, в первую очередь, поэту собраться по перу — сибиряки протянули руку. Пишет Дмитрий не много, но какая это Муза! Он — Член литературно-музыкального объединения «Родники» молодого атомного города Зеленогорска, а недавно заочно принят в Краевое творческое объединение «Керосиновая лампа».

Русь

Мне б красавца коня вороного
Да булатный клинок наострить.
Мне бы русского мёду хмельного,
Чтоб братину по кругу пустить.
Дмитрий я, но, увы, не Пожарский.
Хоть земля нас вскармила одна.
И не князь, и не сын я боярский.
И родился не в те времена.
Да, мне выпала доля иная,
Дед мой землю сохою пахал.
Тяжкий труд свой в душе проклиная,
Не мечом, а косою махал.
Много лет с той поры пролетело,
Опустела родная земля,
И полынью, репьем, чистотелом
Зарастают в округе поля.

Зарастают багульником доли,
И давно не узнать этих мест.

Вдалеке лишь Святого Николы
Над погостом виднеется крест.
Нет, не надо коня вороного,
Не хочу я булата вострить.
Дайте лучше мне чарку хмельного,
Чтоб в ней думы мои утопить.

Лёнька

Молодость умчалась безвозвратно.
Край родимый где-то далеко.
Грустно мне, но всё-таки понятно,
Почему на сердце нелегко.
В том краю, за дальними лесами
Лёнька-сын, веселый мальчуган,
Над рекою с удочкой часами
Бродит по лесистым берегам.
Помню, как короткими ночами
Мы вдвоём сидели у костра.
Пили чай малиновый. Молчали,
Соловьи нам пели до утра.
Помню, за речным широким плёсом
Филин в чаще леса прокричит,
Сын в плечо моё уткнётся носом,
Долго и испуганно молчит.
Обойму его слегка рукою,
Слыша, как в груди его стучит.
Потихоньку сына успокою:
— Это филин — царь ночной кричит.
Помню, как ольховым перелеском
К речке сын шагает не спеша.
Маленьким крючком на тонкой леске
Выудит огромного ерша.
Но настали годы роковые,
Я всё это вижу, как сейчас.
Без прикрас скажу, что люди злые,
Не подумав, разлучили нас.
Но я знаю, пусть не очень скоро,
С рюкзаком и сумкой на ремне,
Как и я, родной покинув город,
Непременно явится ко мне.

* * *

Ветер в окна стучит,
Еле брезжит рассвет,
Разметалась заря на востоке.
А душа не молчит,
Я тебе шлю привет.
Жизнь летит в бесконечном потоке.
До утра я не сплю,
Утомленный тоской.
Тают, тают зажжённые свечи.
Если сможешь, молно:
— Будь моей госпожой!
Я мечтаю о будущей встрече.
Пусть не так я пригож
Рядом с кем-то другим,
И виски седина победил.
Хоть меня ты не ждёшь,
Обаяньем своим
Душу мне навсегда погубила.
И однажды с зарей,
Как опустится ночь,
Одолев между нами преграды,
Молча двери открой,
Не гони меня прочь,
Еле слышно скажи «Очень рада».



Ахадов Эльдар

ЧУДО

Его искал я долго и упрямо
Средь бесконечных и ненужных строк,
И пусть оно не весило ни грамма,
Когда нашёл, я взять его не смог.

Из белой мглы, безмолвное от века,
Оно в упор глядело на меня.
И не было бессильней человека,
И не было бессмысленнее дня.

Но, волшебства отчаянней любого,
Само внезапно вспыхнуло в душе
Прорвавшееся сквозь бумагу слово...
И вот оно!..

И нет его уже.

* * *

О чём я пишу?
Его же нет!
Нет его.
Четыре года как нет.
Но разве это можно забыть?...

Человек ходил по свету,
Как по клавишам апрель:
Летом радовался лету,
А зимой хвалил метель.
Он просал друзьям ошибки
И старался всем помочь.
От одной его улыбки
До зари смеялась ночь!
А потом его не стало...
Было множество речей...
Лес притих. Река молчала.
Чуть подрагивал ручей...
И звучало то молчанье
Средь осинок и берёз
Горше громких слов прощанья
И пронзительнее слёз.

РОССИЯ

“Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить...”
Ф.И. Тютчев

По России идут поезда.
Над Россией летят самолёты...
Я не видел тебя никогда
И не знаю: ни где ты, ни кто ты.
Проплывают вдали облака,
Плачет дождь, пламенеют осины...
О тебе мне известно пока
Только то, что ты тоже Россия.
Что ты тоже живёшь и поёшь,
И болеешь, и плачешь, и веришь...
И никак нас с тобой не поймёшь.
И ничем нас с тобой не измеришь...

ДОМОВОЙ

За окном истекают листвою
Многошумные клёны из детства.
В этом доме живёт домовой.
Лишь обличье его неизвестно.
Вспоминаю о нём до сих пор
(Так скользят по воде арабески):
По ночам для меня и сестёр
Он любил шевелить занавески,
То клубком пробирался в постель,
То тенями метался по стенам...
Дети выросли. Дом опустел.
Только ветер остался нетленным.
Нас уже никогда не собрать,
Но всё ходит ночами по дому,
Всё не спит моя добрая мать,
Доверяя себя домовому.

Семь лет

Безрадостно провожали 2001-ый год.

За столом мать, младший брат и я, четырнадцатилетний пацанёнок с разбитым кулаком и лиловым фонарём под глазом. Фонарь – презент от Кольки Михайлова, с новым 2002-ым поздравил.

По телевизору президент Путин вёл торжественную речь, обещая россиянам светлое будущее, куранты на Спасской башне отсчитывали последние секунды до двенадцати, а мы сидели с грустными лицами и жевали салат оливье. Шампанского мать не купила – без отца ей пить не хотелось.

Отец ушёл в сентябре. Приковылял поддатый с работы, покидал вещи в чёрный чемодан, без объяснений отодвинул мать в сторону и хлопнул дверью, оставив жене двух сыновей. Большие его мы никогда не видели.

Мать не отчаялась. Подала в розыск, однако поиски результатов не дали: отец пропал без вести, потерявшись на просторах нашей безграничной страны. По ночам я и брат слышали, как мама украдкой плачет, роняя слёзы на облупившийся пол, но жалеть её не хотели, считая отца предателем, бросившим детей на произвол судьбы.

После Нового года денег стало совсем мало: средств едва хватало на еду, а за квартплату начал расти долг, обещающий к лету перейти в кругленькую сумму. Однажды вечером, когда младший брат спал, пуская пузыри в кровати, мать подошла ко мне и попросила, чтобы я нашёл работу. Отказываться смысла не было.

Я устроился грузчиком в продуктовый магазин и после учёбы с усердием разгружал ящики с яблоками, апельсинами и бананами. Платили немного – две тысячи в месяц, но они спасали семью, - долги не копились, да и матери немного полегчало.

На лето подвернулась работа интереснее. От школы нас отправили за город обрабатывать огороды: полоть траву, поливать, собирать ягоду, и я с удовольствием уехал, вернувшись осенью с девятью тысячами рублей. Снова пришлось таскать ящики, и я с ностальгией вспоминал яркое летнее солнце, прохладную речку и школьных приятелей, с которыми болтал и веселился до упаду. Сейчас веселиться времени не хватало: «Газели» подъезжали каждый час, привозя новые продукты, и я носился туда-сюда, укрепляя мышцы и делая их стальными.

Время шло. Зимой я остановился на отметке «1,67 см» и в высоту не рос, зато в ширину раздавался, набрав 83 килограмма живого веса. Дворовые пацаны признали во мне борца дзюдоиста и звали с собой на разборки, но я отказывался, мучимый усталостью, и плёлся домой, где без сил падал на кровать и засыпал.

Сны не снились. Я мечтал увидеть хоть одно сновидение, однако мой мозг перенапрягся настолько, что с трудом воспринимал школьную программу и погружался по ночам в темноту. Словно кто-то выключал свет: чик, и я уже сплю без задних ног.

Весной случилось то, чего я так боялся.

Желая сэкономить время, я таскал не по одному, а по два ящика, и через неделю мою спину согнуло так, что пришлось вызывать скорую. Врачи посоветовали больше тяжёлой работой не заниматься. Карьера профессионального грузчика подошла к концу.

Полмесяца мать и младший брат ухаживали за мной, втирая целительные мази и настоек, а я едва-едва накапливал сил, чтобы добраться до туалета. Понимая, что ящики таскать не судьба, штудировал газеты с работой и звонил по объявлениям, но везде вежливо отказывали, предлагая чуточку подрасти. Я не отчаивался, продолжал поиски с настойчивостью барана, нацелившегося на новые ворота.

Работа отыскалась в редакции журнала «Мнение». Девушка с приятным бархатным голосом записала мои данные, пообещала перезвонить и сдержала обещание, пригласив войти в коллектив на должность курьера. Я ответил согласием и в понедельник переступил порог двухэтажного здания, познакомился с журналистами, главным редактором и с усердием взялся за исполнение обязанностей.

Ходить приходилось много, иногда до десяти-одиннадцати часов вечера, но и платили подобающе: семь тысяч в месяц. Отношение сначала прохладно, здоровались редко, а когда узнали, что я зарабатываю, чтобы прокормить родных, прониклись уважением. Поили кофе и чаем, угощали конфетами и пирожными, делились секретами и новостями, и я так привык к коллективу «Мнения», что ответил отказом на летнюю поездку от школы. Плюнул и решил остаться, и впоследствии оказалось, что не прогадал.

Многие журналисты укатили на курорты, и возмущённый главный редактор уселся рядом со мной и поделился горем.

- Беспредел, - сказал он. - Номер выпускать не успеваю, а эти неблагодарные существа пользуются законным правом и улетают в Грецию, Испанию, Италию, а Григорий Семёнович с Глебом пашут как каторжники. Нужна помощь, Глеб. Сгоняй в фирму «Арго», - это на Красной Пресне, - у них директор – художник, предлагает за статью двадцать пять кусков. Делаешь классно – десять тонн твои. По рукам?

- Постараюсь, - прошептал я, краснея от робости.

В тот день десять тысяч я заработал и был записан в Школу молодых репортёров при журнале «Мнение», - первая победа зелёного пацана в большом грязном мире. Первая моя победа.

Мать, узнав об успехе старшего сына, расплакалась. Расплакалась искренне. Всё, что копилось с момента ухода мужа из дома, вылилось мне на плечо, ибо тогда я по-настоящему осознал себя кормильцем семьи. Кормильцем, который будет приносить зарплату в дом вместо отца.

И я приносил. Отдавал матери всё до копейки, а она складывала деньги в сейф, смешивая со своими и создавая семейный бюджет. И уже потом младший брат Савва играл с конструкторами



Юрий Серов

Родился в 1987 году в городе Орске Оренбургской области. По образованию юрист, работаю в банке «Ренессанс Капитал». Пишу с 2005 года в различных жанрах. Участник творческого объединения «Проект РТУТЬ» (с 2009 года). Финалист конкурса «Вдохновение» (Москва, 2009; номинация «Сказка для детей»); дважды финалист конкурса «Молодой литератор» по Приволжскому Федеральному округу (Нижний Новгород, 2009, 2010); участник 9 и 10 Форумов молодых писателей России и стран СНГ (Липки, 2009, 2010). Рассказ «Главные вещи» вышел в лонг-лист премии Юрия Казакова (Москва, 2010).

Публиковался в сборнике «Литературный конкурс ВДОХНОВЕНИЕ», журнале «Новый берег», книге «Молодой литератор. Выпуск второй», газетах «Литературные известия» и «Литературная Россия», альманахе «ОРЬ», в журнале «Doctor Travel».

рами и роботами, а я выбирал в магазине свитер или рубашку. Моё детство пропадало на работе, но для Савки я пообещал сделать всё. Всё, лишь бы девятилетний человечек не нуждался в еде или игрушках.

В 2004-ом я закончил 11 классов школы и вздохнул с облегчением, собираясь пропадать в редакции с утра и до вечера. Писал статьи, брал интервью у знаменитых людей города, посещал различные мероприятия, накапливая опыт и стаж, а в августе получил от Григория Семёновича предложение об учёбе.

- Поступай на заочное на журфак, - посоветовал он. - Я поговорю с одним мужичком, он поможет тебе с военным билетом. Ты же не хочешь служить в армии?

- Хочу, но не могу. Мамка одна Савку не потянет. У неё пять в месяц кое-как выходит, - разве я оставлю их одних?

- Вот и отлично. Значит, договорились.

Спустя шесть дней я держал в руках военный билет, дающий полную свободу передвижения, и решил последовать совету главного редактора: получить высшее образование. Стыдно было перед матерью за отказ от службы, но она поняла меня, не посчитала тряпкой.

- Ты сделал правильный выбор, сынок. Не расстраивайся. Это чувство, что мужчина должен отдать долг родине. Чушь. Родина заставляет тебя батрачить с пятнадцати лет, потому что ей плевать. Поэтому не принимай близко к сердцу. Когда в России начнут заботиться о детях, тогда и пойдёте в армию.

Я помню её слова. Помню и сейчас, когда на дворе февраль 2009-ого, а я уже на пятом курсе института, успешный журналист с именем, давным-давно вошедший в основной состав журнала «Мнения». За окном светит солнце, снег растаял; да его почти и не бывает в Москве, - выпадет, а на следующий день исчезнет; я сижу в редакции, набираю статью о поездке в Петербург, а мысли возвращаются ко вчерашнему разговору с матерью...

- Он приходил в октябре, в прошлом году.

- Кто приходил? - Мать застала меня в коридоре, пока я боролся с неподатливым рукавом куртки, пытаюсь высвободить запутавшуюся руку. - Я не понял, о ком ты?

- Об отце.

- Об отце? Эта сволочь смела заявиться к нам?

Оказалось, что да. Ни меня, ни Савки дома не было, поэтому мать пустила его через порог и застыла в ожидании разговора.

- Здравствуй, Эллочка, - попытался улыбнуться он, но хмурое лицо жены подавило глупую улыбку. - Я пришёл извиниться за то, что тогда ушёл...

- Семь лет назад.

- Как Глеб? Как Савва?

- Глеб кормил нас эти годы. Да и с Савкой всё в порядке.

- Могу я... Могу я их увидеть?

- Нет. Я не разрешу тебе с ними увидеться.

Глеб – взрослый парень, выпылит и ударит, а я не хочу, чтобы он сидел в тюрьме из-за такой мрази.

- Но... Я соскучился! И они мои дети!

- Ты меня не понял, муженёк. Не понял. Глеб и Савва давно не твои дети. Неужели за семь лет ты этого не осознал?

- Я...

Отец попытался найти хоть какой-нибудь довод, но мать не собиралась его выслушивать. Жестом она указала на дверь и велела убираться прочь.

- Навсегда. И не приходи. Не надо.

И отец ушёл.

Где его носило столько времени, я не знаю. Был ли он с другой женщиной или завёл другую семью – неизвестно. Можно, конечно, навести справки, поднять людей, чтобы правда всплыла наружу, однако смысла я не вижу. За семь лет он не поинтересовался нами ни разу, ни разу не позвонил, ни разу не написал письма, а мать не простила мужа-гуляку, хотя её доброе сердце ёкнуло не единожды. Не прошу и я.

Статья не пишется. Пальцы опускаются на клавиши и застывают в миллиметре. Голова раскалывается от городского шума, а я смотрю на монитор, где чёрные буквы ждут окончания предложения.

Надо доделывать. Скоро Савка окончит школу, соберётся в институт, а я должен помочь ему выйти в жизнь: пытаюсь быть брату за отца, но из меня, наверное, никакой папаша...



Сергей Власов

1982г.р., родился в г. Кузнецке Пензенской области. Имею Высшее психологическое образование. А так же имею склонность к философии, к поэзии. Выбор литературы очень тонок и не закреплён в материальные рамки, здесь более внутреннее движение, и большее значение имеет тот внутренний «радар» отбора, который подчас я называю интуицией.

Мой призрак, сладкая сирень опала,
На твою главу венец из роз неровно сел,
И я вошёл, холодная постель,
И я вошёл, холодная постель,
болела голова,

Я, как умел, гадал,
и горькая листва, как мел,
Пророчила мне с нею быть,
Тебя оставить и забыть,
Как сон, как детский лепесток тревоги.
Но зыбкие огни, я с ними плыл,
Я ждал дождя, мне говорили об ином,
Срывая лепестки, я видел свет,
лучистую дорогу

И цель, о чудо, бледное лицо
И стан, как золото, как лучшие алмазы,
И в голове слегались пазлы
Твоих божественных манер.
Я знаю, призрак любит ночь,
И в свете дня мечте моей не сбыться,
И сладкой боли вновь не повториться,
Я одинок, души моей лоза
Одна, где пару ей сыскать?
Где ветру пьяные глазницы
Вновь выковать и счастьем, и теплом,
Она, как свет, мне свету поклониться?

Я далеко ушёл, я больше не вернусь,
В квартире свет лениво на помаду,
Другие губы ныне будут рады, другие,
Больше не вернусь.
В холодный склеп,
где рифмы ткут печаль,

Где сентября унылые пейзажи,
Где год от года только в сердце гаже,
Где хорошо, что на душу вуаль.
Я не вернусь, просящему черёд
Идти войной, в огнях его столицы,
И сквозь прорехи видно зыби лица,
Я не вернусь, мой горек небосвод.



Сергей Алмазов

МОЙ ДОЖДЬ

Мой дождь...Мой вздох...

Мой милый друг

Остался в северной дали.
“Как не хватает рук твоих!” -
Кричали в небе журавли.
Как не хватает рук твоих...
Махая крыльями, они
Под мокрым облаком разлук
Боль отгоняли, как могли.

Твоих мне не хватает рук,
Лежащих на моих плечах...
Мой дождь... Мой сон... Далекий друг...
Любви горящая свеча...

СВЕТ ТВОЕЙ УЛЫБКИ

Я наш питерский дождь
бесконечно люблю!

Струи льются с небес –

разве это не счастье?

Свет улыбки твой озаряет ненастье,
Если тёплые капли я с губ твоих пью.
Радость вновь заполняет обычные дни.
Как же долго плутал

я в своём бездорожье,

Всё же вышел на тропку
и, милостью божьей,
Птицей ты прилетела в ладони мои.

Разложу я стихи на простые слова -
Пусть ручьём зажурчат,
и души колокольчик
Зазвенит над дорожкой
твоих многоточий.
Это наша весна к нам с тобою пришла!

НАШ ВЕЧЕР

Вечер. Кроны деревьев танцуют
в закатных лучах.
Песня ветра чуть слышно звучит
в лёгком шелесте листьев.
Купол сладостных снов нежным
облаком скоро нависнет -
Снова руки твои я
смогу ощутить на плечах.

Но сначала давай посидим мы
с тобой у костра,
И в ладонях своих приручим
неспокойное пламя.
Каждый вдох наполняя приливом
любви и желанья,
Терпкой пряностью августа
будет дурманить трава.

Предрабесветный туман
нас укроет прозрачным крылом.
Серебристыми блёстками
лягут холодные росы.
Ты заснёшь, разбросав
на плече моём рыжие косы,
В свете утра ещё раз желанным
мелькнув мотыльком.



Диана Максуд

26 лет. Родилась и живу в г. Алматы (Казахстан). Переводчик по образованию. В интернете свои стихи публикую под ником «Чёрная Луна».

Цепи. Скалы. Чувства

Делить столбиком нас учили в школе,
А делиться и того раньше.
«Давай, поделись с мамочкой/папочкой/бабулей/братиком...»
Но раздавать конфеты и печенье проще,
Чем отрывать кусочки своего сердца.
Это легко оставлять часть себя
На память,
Когда ещё горишь,

пока не чувствуешь боли.

Так легко бросить это в лицо,
С чем-то обидным, обличённым в слова.
А потом наступает настоящая болезнь.
И никто не в силах помочь,
И сам не справишься,
И хочется вынуть сердце.
Если бы мы чувствовали печенью,
Я бы поспорила с титаном.
А ты был бы моим личным орлом,
Я бы любовалась тобой на расстоянии
И ненавидела вблизи...
И когда кому-то высшему
Надоест эта ежедневная заставка,
Он освободит нас и отпустит
В новые декорации,
Не забыв дать мне нести любовь к тебе,
Как крест.
И всё повторится.

Всё играешь...

«Для тебя в окошке створчатом
Я всю ночь сижу с огнем»
(Анна Ахматова)

Будешь бить меня сегодня
И лечить, как в детстве кукол.
Прятать маску за лицом и...
Я - мечтать о поцелуе.

Бросишь силы все на поиск:
Где я шляюсь целой ночью.
И сидеть у изголовья,
Охраняя одиночку.

Обвинишь в плохой погоде,
И уйдёшь курить на крышу.
Там мы думали, что боги.

Ты запомни, как всё было -
Я уйду сегодня ночью,
Чтобы это повторилось.



Инна Пасменко

Педагог по образованию. Родилась и выросла на Украине. Незатейливые четверостишия появились в детстве, но к этой своей способности никогда не относилась всерьёз, только с юмором. Вижу в стихах еще одну возможность общения и отражения жизни и мира.

ОДИНОЧЕСТВО

Перекошенные ставни, им под стать
стоит плетень.
Грустно будущее давних позабытых
деревень.
Коротая год за годом, дети вышли
за порог.
Крутит ноги непогода, некому испечь
пирог.

Снегом белым по колено занесет за
ночь одну.
Не поднять теперь полена и спины
не разогнуть.
Где же ты, бывшая сила?.. плечи
кутаю платком.
“Кис-кис-кис”, - бежит Василий к
блюдцу с теплым молоком..

Ты - моя одна забава и отрада, и
дружок.
Раньше был крутого нрава, нынче
тоже старичок.
Знать, лежишь себе на печке и
цветные видишь сны.
Кто бы нам сказал словечко?
Доживем ли до весны?

Как подкралась быстро старость и
вошла хозяйкой в дом.
Нам с котом осталась малость, все
слабее с каждым днем.
Не секрет - давно, конечно, чую,
рвется жизни нить...
Ох, Василий, друг сердечный, кто
нас будет хоронить?

У НОЧНОГО ОКНА

Я хандрю? Нет, ну что ты, ни
капельки я не хандрю.
Я хандрю подарила на память давно
январю.
Просто так коротаю часы у ночного
окна.
Не шуми... Ш-ш... Послушай, как
дышит в ночи тишина.

Небо хмурится снова. Наверное,
будет гроза.
А цикадам не спится, стрекочут на
все голоса.
Поселились без спроса, командуют
целым двором.
Видишь, молнии вспыхнули ярко,
вот-вот грянет гром.

И прольется серебряный ливень с
высоких небес,
Прошивая насквозь тонкой нитью
притихнувший лес.
А пока в нем рисуют узоры свои
светлячки.
Это - чудо чудес!!! одинокой души
“маячки”.

И зачем-то опять появилось желание
жить,
Догонять день вчерашний и строить
свои миражи.
Полной грудью дышать, позабыв про
покой и про сон.
Ну, какой же сквозняк?.. глупый
мой, это только - озон.

Боль затихла сегодня, а может,
привыкла я к ней.
Ну, не кутай меня. Слышишь трели?
Поет соловей.

Что-то он запоздал в этот год, на
исходе июнь.
Беззастенчиво пылко влюблен или
трепетно юн.

Ах, как голову кружит проказник
мне песней своей.
Я, пожалуй, присяду на кресло, так
будет верней.
Нет, не жар, не тревожся, в душе
похлает огонь.
Просто рядом побудь и возьми мои
пальцы в ладонь.

Ты измаялся тоже, сверкнула в
висках седина.
Потускнели глаза, и улыбка нечасто
видна.
Дай тебя обниму и склонюсь на
родное плечо.
Я еще не сдалась. Мы с тобой
повоюем еще.

Безысходность страшна, с ней
мучительных дней череда.
Все молитвы мои за тебя, как
всегда... как всегда...
Обещай быть счастливым, любить,
прогонять скорбь и грусть,
Даже если я завтра
в объятьях твоих
не проснусь.



Боровский Илья

26 лет. Уроженец г. Уфа, Респ. Башкортостан.
Автор стихов и текстов к песням. Неоднократно публиковался в российских периодических изданиях и альманахах. Творческий девиз жизни: «Живу, как чувствую!»

Поздняя зима

Вот и выпали белые хлопья,
На залитый водою асфальт.
Поглядела зима исподлобья,
И упала на город вуаль.

Осветила серебряным блеском,
Отражаясь в оконном стекле.
И наполнились улицы треском
От шагов по замёрзшей земле.

Задрожали при сумерках свечи,
Лёд сковал водоёмы - как сталь.
И укутала нежные плечи
В полнолуние пуховая шаль.

Разноцветные сны

Где-то в море вина,
Это море вины,
Допиваю до дна
Разноцветные сны.

Улетаю на юг,
В никуда, наугад.
От мороза и вьюг,
От чинов и наград.

Средь чужих берегов,
В первозданной дали.
Скину бремя оков,
Наклонюсь до земли.

Но пойму, сколько снов
На огромной земле,
Только мудрость веков
Ощутив на челе.

Рождественская ночь

Масло в огонь добавляла луна,
Жаркая, сочная, дынная корка
Что-то искала на небе она,
То выползала, то пряталась в норку.

Звёзды мерцали. Аж резало глаз!
Снег намело удивительно белый.
Вьюга в засаде притихла, как барс,
И нападала на путников смело.
Но, несмотря на ветра и занос,
Снежные силы иссякли у храма.
Вспышка! На свет появился Христос.
В дальнем краю, на холмах Иордана.



Валерий Луккарев

Родился в Петрозаводске. В 1979 году закончил лесотехнический факультет Петрозаводского университета. Работал лесничим, мастером, агрохимиком, специалистом по ценным бумагам, совместным предприятиям и таможенным вопросам. Стихи начал писать после окончания университета.

50-й день рождения

Спокойной ночи всем соседям,
В моем купе
Погашен свет, мы мирно едем
В наш город П.
И только мысли, как колеса,
В мозгу стучат.
Ну, неужели все так просто -
Мне пятьдесят.
Что за дурацкий день рожденья —
Совсем один.
Вдали от дома и варенья.
Дождался, блин.
Он с неба на меня свалился
И прямо в лоб.
Не для того, чтоб веселился,
Подумал чтоб.
О том - зачем, куда и сколько
Еще идти...
И почему выходят боком
Мои пути.
И отчего опять на койку,
А не в кровать.
Хотя ... устал уже настолько,
Пора и спать.

Я сегодня пьяный и богатый

Я сегодня пьяный и богатый,
Целый мир у ног моих лежит.
Не тревожся, мама, я не виноватый,
Не печалься — сын твой не бандит.
Я не получал награды в Каннах,
Выиграл я, но не в казино,
Понимаешь, мама, я сегодня пьяный,
Только опьянило не вино.
И теперь мне море по колено -
Не было гроша, да вдруг алтын,
У меня крутые перемены,
Я теперь по жизни не один.
Я лечу как бриг под парусами!
И целую женщин и мужчин.
Ведь сегодня я счастливый самый,
Мама, у меня родился сын!

ПАПА

Моему сыну Егору

Сынишке два года, еще не орел,
Не ходит ни в садик, ни в школу.
Играть он пока не умеет в футбол,
Лишь мячик катает по полу.

Не учит английский, не знает иврит,
И ходит чуть-чуть косолапо,
Зато лучше всех на земле говорит,
В восторг приводя меня, «ПАПА»!



Александр Балтин

Член Союза писателей Москвы, автор 44 книг, свыше 2000 публикаций в более, чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Башкортостана, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Якутии, Эстонии, США, лауреат международных поэтических конкурсов, стихи переведены на итальянский и польский языки.

ИЗГОЙ

Я жид в России. Русский жид,
Перелопаченный столь многим.
Изгой, объект насмешек, бит,
Дан презируемым двуногим.

Изгой, избранник и поэт,
С расколотой деньгами лирой.
Мне горло отворяет свет,
Не затворить его могилой.

Я жид, я правдою силён,
В стихах о правде повествую.
И новых обстоятельств тон
Не принимаю ни в какую.

Отверженный. Надеждой жив
На световые свойства яви:
Черна сейчас, но перспектив —
Я знаю — отрицать не вправе.

ПРЕОДОЛЕНИЕ СМЕРТИ

Кипит энергия моя,
А для чего, не знаю я.

Выносят гроб из морга.
Лица
Стоящих серые вокруг.
Не верится в духовный луг,
Не верится, что смерть — граница.

Жизнь — как преодоление той
Страшнейшей бездны шаровой.
Бурлит энергия моя,
Зачем догадываюсь я —
Чтоб строчки — хоть какие —
смертный
Мой прах преодолели, чтоб
Не всё унёс, как лодка, гроб.
Страх смерти — он земной,
он местный.

Его снимает только смерть,
Её нельзя перетерпеть.
Опять выносят гроб из дома.
И проржавели тополя.
Грустна осенняя земля,
И всё знакомо. Так знакомо.
Смерть - знак. Не расшифрован код.
Разумнейший предел кладёт
Она лесам и злакам тоже,
Как Баратынский утверждал.
Твержу: смерть вовсе не финал.
Так отчего ж мороз по коже?
И всё ж энергия кипит,
И жизнью строки засверкают.
Пишу — и вовсе не страшит
То, что ко смерти дни мелькают.

Порешили казнить поэта —
Надоел, постоянно поёт:
Жир мешает наращивать — это
Дело сладкое, будто мёд.

Заперт в камере тесной, тёмной,
Продолжает слагать стихи —
Неизменный и неуёмный
В сетке чёрной предсмертной тоски.

И к нему золотые, сияньем —
Что им стены? — нисходят миры,
Миги жизни наполнив дыханьем
Совершенства, а не игры.

Что поэту решение ваше,
Коли сам растворится в стихах?
И сияет над миром чаша
Правды правд о бессмертных словах.



Игорь Егоров

Родился в Омске. Окончил Омский политехнический институт, Международную академию менеджмента. В настоящее время – редактор журнала «Виктория», альманаха «Тарские ворота». Печатался в региональных и центральных газетах, журналах «Арион», «Капля», «Омская Муза», «Виктория», альманахах «Складчина», «Голоса Сибири», коллективных сборниках, антологиях произведений омских писателей «Сегодня и вчера». Произведения Игоря Егорова включены в хрестоматию для начальной школы по литературному краеведению «Зарничка» (Омск, 2006). Автор пятнадцати книг. Дипломант областного литературного конкурса «Лучший рассказ XXI века». Занимается переводами с английского языка. Член Союза российских писателей.



Мост искушений

Я могу устоять против всего, кроме искушения.
Оскар Уайльд

1

Я неслышно вошёл в комнату. Инга спала. Она спала от сильной дозы обезболивающего. Эти чутко подрагивающие веки, губы, точно в реакции сна... Неужели через несколько дней!.. Это казалось невозможным, нереальным...

А солнце в прогале штор уже падало прямо на её лицо. И горячий, но блуждающий румянец иногда вспыхивал на этих милых, почему-то уже совсем детских щеках. Никогда раньше так близко я не видел подкрадывающейся смерти, и вот её настойчивое дуновение неизъяснимо ранившим холодом пробегает по раскрытой книге, постели, столу... На миг мне почудилось, что я вижу ещё живое лицо жены в зловещей торжественности гроба, в обрамлении ярких помертвевших цветов. Но я сразу же стряхнул с себя это наваждение.

Изо дня в день – толпы родственников! Зачем они её раньше времени хоронят?! Ещё эта парализованная звонит чуть не каждый час, а я должен отвечать уклончиво: «Сложно...», потому что может услышать Инга. Что-то в этих настойчивых звонках было нечистое и подлое.

Инга проснулась от боли.

– Жень! – позвала она. – Когда ты мне делал укол?

– Часа три назад, – вздрогнув, соврал я. – Я ещё поставлю, шприц прокипячён.

Я уже привычно ставил уколы. Этому меня недавно научил мой друг Игорь Лобачёв. А обучение искусству ставить уколы происходило на кухне. Я никак не мог решиться воткнуть шприц в Игорёшино тело, а он нервничал и ругался и готов был подставить под неумелую иглу не только свои худые ягодицы, но и всего себя ради жены друга, лишь бы я научился.

И я научился, и теперь делал уколы быстро и совершенно безболезненно, рука у меня оказалась лёгкой. Наверное, я мог бы стать неплохим, даже великолепным врачом, а вот закончил зачем-то политехнический. Но тогда, в конце 60-х, закрутилась эпоха «физиков и лириков», многие школьники старших классов с увлечением думали и рассуждали о теории относительности, пьянели до упомощения от музыки «Битлз», которая глушилась безбожно в приёмниках, бредили физикой и математикой и одновременно ночами сочиняли стихи... Я даже, помню, повесил у себя в комнате портрет Альберта Эйнштейна, а в 9-м классе написал чудной математический трактат о пространствах пустоты... А ещё увлёкся Лермонтовым и Гейне и даже ранним Маяковским, и попробовал себя в поэзии, но тогда для меня это было не главным, мне хотелось стать учёным, как Тулин или Крылов из фильма «Иду на грозу»...

И вот я – студент политехнического, сессии сдаю на отлично, считаюсь чуть ли не лучшим математиком на курсе, и вдруг всем нутром понимаю, что попал-то я не туда, не в тот институт, а бросить страшно – враз «загребут» в армию, никто не будет разбираться, что ты там себе нафантазировал в школе. А потом, после окончания политехнического, была работа в НИИ, где я окончательно убедился, что выбор в жизни сделал неправильный, но начинать всё сначала было уже чертовски сложно, время было упущено. Да я уже был и женат, и у меня родилась дочь, так что я и думать забыл о поисках и начинаниях. И всё-таки в жизни можно найти отдушину, и я её нашёл: переводил с английского для своих коллег научные статьи американских учёных - теплофизиков, хотя такое выпадало не часто, а ещё я стал подмечать интересные ситуации и словечки и записывать их в записную книжку, которую часто носил с собой. Так у меня на-

копилось несколько записных книжек, и когда я прочитал их все сразу, мне показалось всё записанное каким-то бредом, самой настоящей абракадаброй. И всё-таки я этого не бросил и продолжал заполнять записные книжки. И это было началом чего-то важного в моей жизни, гораздо более важного, чем все ошибки и сожаления, и, значит, обретало огромный смысл. Я будто опять стал школьником и ударился писать стихи, самые разные, чуть ли не футуристические, точно ещё не переболел всеми поэтами. Пусть это было похоже на какое-то запутанное искушение беспокойной души, и всё-таки это было нужно. А потом стал писать короткие стихи и рассказы, которые вдруг даже начали печатать в газетах, но издательство их отвергло. Тогда я написал приключенческую повесть для детей...

– Женьча, я скоро умру! – прошептала Инга.

– Нет, нет! Что ты! Ты выздоровеешь, даже и не думай об этом! Вон ты какая розовенькая, как поросёночек, – попытался я пошутить.

Инга улыбнулась:

– Смешной, – и тут же напряглась всем телом и прикрыла глаза от приступа боли.

Я прильнул к ней и поцеловал в горячие воспалённые губы. Я не знал, как ей помочь, и сказал совершенную глупость:

– Я соскучился по тебе!

– Тебе, наверное, противен запах моего тела? – отозвалась вдруг Инга.

– Ин, зачем ты так?! Я же тебя люблю! – как-то по-юношески воскликнул я.

И вдруг слёзы выступили у неё на глазах. За много времени я увидел у неё на глазах слёзы, но это были слёзы благодарности.

– Прости меня, я глупая!

Мы легли вместе, но я не мог причинить ей ещё одну боль, и только мягко целовал её веки, лоб, губы. В этих поцелуях был крик прощания с любимой женщиной, с которой я прожил 16 лет. А ведь это целая жизнь! И сколько в ней было хоть и островков, но островков настоящего счастья. И только они теперь и помнились мне. И мне вдруг стало невыразимо страшно остаться одному, без Инги, как ребёнку без матери. И я ещё ближе прильнул к ней.

Помнишь,

Мы читали эту книгу вдвоём?

Ты сидела у окна

И вдруг – легко посмотрела

На дальние деревья...

Прочитал я и внезапно увидел, как на мои слова отозвалась бесконечная, полная безмолвных жалоб и ужаса, глубина любимых глаз.

– Это стихотворение из твоего будущего сборника. Зачем ты его прочитал? – спросила Инга, будто всё хорошо, и не было только что всего этого ужаса в её глазах.

– Сам не знаю, просто это о нас... – задумавшись, отозвался я, – тогда ты училась ещё...

– И читали с тобой «Дон Жуана» Байрона...

– Да, точно, а я и забыл, тогда нужно было тебе по программе... Совершенно незаконченное произведение, сплошной разврат, хотя и считается жутко гениальным...

– Всё довольно сложно. Нет, это, наверное, не «Дон Жуан» был, а что-то другое, может быть, Тютчев. А то состояние ты, наверное, передал своими строчками, хотя и такими незамысловатыми...

«После таких слов хочется писать! Иннушка, ты великий человек, тебе ведь так плохо, а ты со мной еще говоришь о поэзии!» – воскликнул в душе я, целуя почти с трепетом её лоб.

В последние месяцы Инга особенно чутко меня чувствовала, сумела помочь мне с моей детской повестью. Никан не удавалось связать в единый сюжетный узел все главы, и вот толчок – просто гениальная догадка Инги,

и всё пошло, как по маслу, книжку мою даже включили в план издательства.

«Чудовище! – сказал я себе до боли кулак. – Жена умирает, а ты думаешь о стихах и повестях!.. Славы захотелось?!»

Но через несколько дней Инга стала безучастна ко всему, это было приближение того таинственного и непонятного, что почти невозможно произнести вслух... Я пытался ей читать книгу, но глаза её были холодны. Теперь она будто жила иной жизнью, жизнью неземной, а я оставался здесь, на Земле... И она уходила от меня в свои, уже неземные бездны, где всё реальное почти теряет свой обычный смысл и обретает оболочку мелкого и суетного.

«Если бы меня вдруг не стало, – думал я, глядя на Ингу, – то самое важное было бы, наверное, что написано мной, а всё остальное было бы уже малозначимым и непонятным в той неземной и даже земной жизни».

Жизнь Инги мучительно и быстро угасала на глазах. Прошло несколько дней, и она потеряла сознание. Я по инерции ещё ходил для неё за лекарствами в аптеку, которые были уже совсем не нужны. Всё это было, как в сомнамбулизме. Почему я отрешённо смотрел на то, как мать Инги снимала с неё, с умирающей, дрожащими руками серёжки... Одна серёжка не вынималась, на это было мучительно смотреть, и я хотел закричать, что ей же больно, но промолчал. Почему я молчал, я сам не мог понять. Может быть, от бессмысленности всего происходящего? Видел, как мать Инги положила медный крестик ей под подушку. Во всём этом было какое-то жуткое приурочивание. К горлу подступали слёзы, и я уходил из дома, чтобы выплакаться где-нибудь в пустынном переулке. Казалось, было легче видеть первый летящий снег, погрузиться хотя бы на миг от горя в эту непроницаемую для всего чужого тишину и бормотать почти забытое:

Да правда ли, что умереть – уснуть,
Когда вся жизнь – мираж и сновиденье,
Лишь радостью минутной тешит грудь?

Перед смертью Инга пришла в сознание, я ушёл в другую комнату. Я уже не мог видеть, как она озирается, словно не понимая, где она, не мог видеть её агонии. С Ингой остались моя и её мать.

2

Зачем я ушёл в другую комнату от неё?! Зачем стал переодеваться во всё чистое, а у неё началась агония, и я слышал эти хрипы и стоны агонии и стоял, как парализованный, в незастёгнутой белой рубашке. А она там умирает! А я был здесь, в этой комнате. Может, мне было страшно, я просто струсил? А потом я увидел её открытые глаза, устремлённые вверх, и обнажённое тело. Как она была изумляюще прекрасна! Она будто была ещё жива, только что-то возвышенно-неземное уже коснулось её. И если бы никого не было, я бы, наверное, сильно, сильно бы сжал Ингу в своих объятиях и содрогнулся бы в последней ласке любви к ней! И было невыносимо видеть, как материнские руки (моей и её матери) обмывают её тело! Всё это происходило как будто бы не со мной: я не мог поверить тому, что видел. Что это было: сон или тяжкий бред? И не то и не другое, это были две стороны жизни: жизнь и смерть – бездна между жизнью и смертью. И я оказался на краю этой бездны, я вглядывался в её глубину, в её неизъяснимые, неясные скалистые уступы, в недостижимый для разума тёмный провал вечности.

А ведь многое – ложь, всё было не так человечно, как хотелось бы мне. Отчуждённости Инги, ещё до болезни, злила меня, и я не находил себе места, это было мучительно. Мне казалось, что она надо мной в душе издевается, ей нравятся эти садистские штучки – что это было: наступление разрыва или всё-таки я ошибался – и это было приближение болезни, смерти?.. И тогда я – подлый эгоист, приписывающий ей жестокость!.. Она была так добра ко мне перед смертью, к моим литературным исканиям! И всё это у неё было по-настоящему, от души!

Теперь мне было страшно даже с дочкой в пустой квартире. Ночью как будто слышались шаги в комнате, где умерла жена. И тогда я допоздна читал дочке Мольера «Мещанин во дворянстве», её любимую книгу. И Танюшка, дрожа и прижимаясь ко мне всем худеньким телом, слушала внимательно, как бы на миг забывая нашу беду, – сквозь напряжённую задумчивость улыбаясь на несусветную глупость господина Журдена. Так было легче нам обоим.

Дни шли, но боль была настолько сильна, что я и думать не хотел ни о каких делёжках денег и наследстве, всё это было до такой степени противно, что я в сердцах чуть не вышвырнул тестя за дверь. Он ушёл взбешённый и злой, а я долго стоял у двери и не мог понять, что происходит, ведь он же отец Инги, а доказывает мне какую-то чудовищную чертовщину: сейчас появятся у меня любовники и вытянут все деньги в постели... Несчастье явно не делает иных людей умнее, скорее наоборот...

Теперь мне было понятно, куда делись золотые украшения из шкапуток после похорон, но мне было всё равно.

«Почему так, – думал я, – тебя нет и никогда уже не будет, а вещи, простые вещи: неподписанное письмо, книга с заложенным листком бумаги, закатившаяся под стол таблетка лекарства – внезапно вернут тебя, и опять глаза жжёт слеза! Больше никто уже не позвонит меня, как ты. Ты ушла от нас навсегда, тихо, без жалоб и крика. Но так уходят из жизни только очень сильные люди! «Молчи, скрывайся и таи...» Помнишь «Silentium» Тютчева? (Ведь это ты мне открыла Тютчева!) Да, ты молчала, чтобы не делать нам больно, но твоё лицо... Уходя в другую комнату ненадолго от тебя, я неслышно плакал, понимая, что происходит непоправимое. Потом шёл в ванную. Умывался и с самым беспечным видом возвращался к тебе, и даже раздражался от пустяков, будто ничего не происходило. А происходила самая страшная, непоправимая беда».

«Молчи, скрывайся и таи...» Иногда я включал телевизор, где чихвостили прежних вождей на все лады, мороз продирает по коже от их чудовищных искушений и преступлений, перестройка набирала обороты. И мы, простые люди, ещё ничего не знали о будущем, а в настоящем уже таились ростки новых дьявольских искушений. Я помню, ты всем живо интересовалась раньше, запоем мы читали «Архипелаг ГУЛАГ», но теперь я видел: тебе была тягостна вся эта суетливость вокруг архивов, всё это по сравнению с тем, что происходило с тобой, казалось чем-то страшно далёким.

Прошло немало времени с тех пор, и теперь я ловил себя на той мысли, что мне хочется замкнуться в себе. Я стал читать те книги, которые ты любила читать, и через них с тобой говорить. В этих книгах есть и твоя душа, они тоже её создавали. Разве я знал, как тебя люблю! Когда я включаю «Песню Сольвейг» Грига, мне легко и больно, я вижу тебя!.. Ты никогда больше не услышишь свою любимую мелодию. Но душа твоя слышит её – душа твоя посылает свой свет моей душе!

Я не мог поверить в то, что тебя нет, Инга! Мне всё время казалось, что ты сейчас войдёшь и я скажу: «Здравствуй!» Ведь ты не ушла от меня навсегда?!

Так думал я, но время шло и несло с собой новые испытания. Много впереди было и нешуточных искушений...

Всё чаще я осознаю, что жизнь человека подобна какому-то фантастическому мосту над бездной, на котором искушения подстерегают на каждом шагу и тянут в эту немыслимую бездну, и человек борется с этими искушениями, с бездной, чудовищем, и испытывает горечь падения, вдруг срываясь в искушение. И всё-таки он идёт по этому мосту, который называется жизнью! Иначе не быть человеку человеком в полном смысле слова, не понимая самого себя в поступках и собственной судьбе...